Искупление

Миры Лунасгарда II

Анна Мистунина

Анна Мистунина

Искупление. Миры Лунасгарда II

«Издательские решения»

Мистунина А.

Искупление. Миры Лунасгарда II / А. Мистунина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-740552-6

Кати — дочь и помощница Сильнейшего, правителя магов и злейшего врага Империи. Война близится к концу. Еще немного, и маги вернут свою древнюю землю, а ее жителей ждет смерть или рабство. Но в магических снах Кати является император. Что делать, если тебе суждено полюбить своего врага? Если победа твоего народа означает гибель твоего любимого, а победа любимого — гибель твоего народа?И как быть, если исход сражения зависит от тебя и, что бы ты ни выбрала, заплатить придется собственной жизнью?

ISBN 978-5-44-740552-6

© Мистунина А.
© Издательские решения

Содержание

Пролог 6
Часть первая. Баронесса 10
Глава 1. Заклятие над замком 10
Глава 2. Разбойники и колдуны 17
Глава 3. Ты в него влюблена? 24
Глава 4. Смертельные раны 35
Глава 5. Это и вправду ты 43
Глава 6. Неудачное рабство 51
Конец ознакомительного фрагмента. 55

Искупление
Миры Лунасгарда II

Анна Мистунина

Положи меня, как печать, на сердце твое, как перстень, на руку твою: ибо крепка, как смерть, любовь.
Библия, Песнь Песней 8:6

© Анна Мистунина, 2022

ISBN 978-5-4474-0552-6
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Дорога шла под уклон. Мелкие камни хрустели под копытами, с веселым стуком отскакивали в стороны. Те, что покрупней, норовили попасть под колесо, и тогда телега подпрыгивала, угрожая выбросить возницу или груз: аккуратно уложенные, накрытые сверху брезентом кочаны капусты, корешки репы и моркови. Все крупное, чистое – не иначе как на торг.

Знающий человек сказал бы, что назавтра в городе ожидается ярмарка, но ежели девушка-возница намерена туда поспеть, придется ей гнать кобылу почти до полуночи, соснуть часок-другой, спрятавшись под брезентом от ночной прохлады – и снова в путь. Человек внимательный заметил бы при этом, что к ночи опять соберется гроза.

Доброжелательный заявил бы, что не дело юной девушке разъезжать по дорогам одной, да и какая нужда погнала ее в столь неблизкий путь? Времена нынче страшные. Мор и запустение распространяют недобитые остатки колдунов, никто не знает, когда и где объявится беда. На дорогах рыщут лихие люди, падальщики, такие не побрезгуют ни ограбить выкошенный заклятием замок, ни надругаться над путешествующей в одиночестве девушкой. И неважно, кто она – знатная дама или крестьянка в заношенной одежде, отродясь не имевшая ни денег, ни драгоценностей.

Последнее, впрочем, было бы неверно. Посторонний, даже весьма догадливый, нипочем не подумал бы, что на груди путешественницы, под грубой шерстяной накидкой, горит зеленым огнем камень, какого не постыдилась бы и придворная дама.

Он был огранен в форму звезды с короткими лучами, казавшимися тоньше благодаря искусно сделанной оправе, и украшал собой массивное кольцо витого золота, что даже и без камня стоило бы немало и совсем не подходило к ее вечно занятым рабой рукам. Девушка носила кольцо на шее, на тонком шнурке – не подарок жениха и не ценность, сберегаемая для продажи на черный день. Всякий, увидевший, как девушка время от времени притрагивается к камню, будто черпая уверенность, счел бы его необычным амулетом – и оказался бы прав.

Может быть, благодаря своему странному амулету девушка и не страшилась ни разбойников, ни колдунов. А может – потому, что быстрые посланцы-мысли, то и дело летящие по сторонам и вверх, неизменно сообщали ей: поблизости никого.

Но тут уж любой заявил бы: нет! Девушка просто глупа, оттого и не боится. Потому что лишь слепой не увидит, что в ней нет даже капли колдовской крови, а значит, ничего, сверх отмеренного истинным людям, девушка уметь не может. И ей, глядящей лишь вперед, на дорогу да на спину пегой лошади, совершенно неоткуда знать, что делается вокруг.

Спуск закончился, чтобы вскоре начаться вновь. Холмы здесь перемежались холмиками, холмики буграми, так что путешествие становилось нескончаемой чередой спусков и восхождений. Травы стояли почти в человеческий рост; среди них, как задумчивые надзиратели, высились дубы и остролисты. Насмешливо пел жаворонок. Небо, просветлевшее было в середине дня, опять скрыли тяжелые облака. За их спинами, невидимое, садилось солнце.

Еще немного, и проселочный путь сомкнется с древней мощеной дорогой. Как раз вовремя – если уж ехать в темноте, лучше там, где не придется трястись на кочках и ухабах. Такие дороги, ровные, неподвластные непогоде и времени, кружевной вязью покрывают все пространство старой Империи. Они как будто ждут возвращения хозяев – и, надо полагать, ждут они не зря.

Не зря, потому что всего лишь год назад девушке не пришлось бы везти овощи так далеко, с осторожностью объезжая молчаливые стены Арккаля, еще недавно шумного и веселого города. Арккальские ярмарки славились далеко за пределами области, их даже сравни-

вали со столичными, какие бывают там во дни праздников. Народ так и стекался туда, не жалея времени на дорогу, и неудивительно: Арккаль не зря называли столицей цветов. Нигде в Империи больше не изготовляли таких сочных и стойких красок. Ткани, окрашенные ими, оставались яркими даже после многих стирок и на солнце почти не выгорали. Тайну своего искусства арккальские мастера берегли пуще, чем рыцари – свою честь. Многие хотели купить ее, суля немалые деньги, многие пытались украсть. Ни тем ни другим не улыбнулась удача, и вот – секрет чудесных красок погиб, не доставшись никому.

Теперь за стенами Арккаля мертвенная тишина. Путники обходят стороной заколдованный город, лишь жрецы да разбойники отваживаются бывать в нем. Жрецы – потому что служителям Бога не страшны заклятия. Разбойники же попросту ничего не боятся и жизни свои ценят немногим дороже чужих.

По дороге телега пошла легче, умница кобылка без понуканий прибавила шаг. Девушка устроилась поудобнее, привалившись спиной к ящику с морковью. Прищурила глаза, замечая привычные и безопасные искорки жизни. Торопливо жующих кроликов среди травы, быстрых, как стрелки, мышей-полевок, голодный огонек охотящейся лисицы. Впереди же…

Девушка выпрямилась. Ее руки натянули вожжи, в то время как нечто изнутри – сама девушка называла это магией и тщательно скрывала от всех, даже самых близких – испуганной птицей устремилось вперед. Там, невидимый за изгибом дороги, приближался конный отряд. Еще не поздно было свернуть и укрыться… ну, хотя бы за ближайшим холмом, коли уж лучшего убежища поблизости нет.

Но далекие мысли всадников не казались опасными. Девушка ощутила их тревогу и беспокойство, непонятную злость вперемешку с преданностью и страх, как будто незнакомцы искали что-то, и от успеха поисков зависела их судьба. Тихонько причмокнув, девушка смело направила кобылу навстречу всадникам.

Те проскакали, даже не взглянув на скромную крестьянскую телегу. Их тревога сгущалась вместе с темнотой. Различать чужие мысли очень трудно, не так, как обыкновенную речь, но эти люди так дружно думали об одном и том же, что девушка уловила как будто неясный шепот: «много выпил… никого не послушал… ночь, дождь… охромевшая лошадь, вся в грязи…» Эти люди потеряли своего господина.

Представив себе отчаяние осиротевших слуг, девушка от всего сердца пожелала им удачи в поисках. Когда стук копыт затих вдали, вытянула из мешка ячменную лепешку и небольшую флягу с водой. Принялась за ужин, не забывая мысленно поглядывать вперед.

Стемнело быстро, как всегда бывает в пасмурные дни. Темнота, мягкая и густая, как шерсть новорожденного козленка, обступила со всех сторон. Пахло дождем, и все чаще, огненными лезвиями разрезая тьму, сверкали молнии. Ветер то принимался трепать гриву и хвост лошади, ерошить волосы девушки, с любопытством заглядывать под брезент, то стихал, и тогда стук копыт и негромкое поскрипывание колес, да редкие крики ночной птицы казались единственными звуками в опустевшем мире.

Как ни сжимало беспокойство сердце девушки, как ни хотелось приблизить утро и город, где удастся, если повезет, выручить несколько десятков монет за урожай, пришло время остановиться на ночь. Вот уже долетел раскат грома. Еще немного – и начнется дождь.

Девушка выбрала место поодаль от дороги, где смутно видимые в темноте заросли молодых дубков обещали хоть ненадежное, но все-таки укрытие от дождя. Ловко выпрягла кобылу. Растерев ей спину пучком соломы, насыпала овса. Доставая флягу, наполненную сегодня в звонкой речушке близ Арккаля, привычно бросила вокруг мысленный взгляд.

И остановилась. Как всегда в тревожные минуты, пальцы сами нащупали зеленый камень на груди. Там, впереди, по левую сторону дороги, далеко, но не так, чтобы не заметить, кто-то был. Человек или зверь, раненый или умирающий – девушка различила только боль. Различила и, впервые с тех пор, как уехала из дома, испугалась.

И правда – как не испугаться, если вот сейчас пойдешь туда, навстречу неизвестной беде, если не сможешь не пойти? Если вокруг темно, и все затихло, как перед сильным дождем, а слабенькая магия на самом деле плохой защитник, только и годится подглядывать да подслушивать! И нет никого, совсем никого, чтобы помочь. Ни сейчас, ни потом, никогда больше…

Девушка всхлипнула. Отчаяние, темнее окружающей тьмы, затопило ее. Но всего на миг. Она знала точно: долго плакать нельзя. Раскиснешь, и не станет больше упрямства, и злая правда вырастет перед глазами, как уродливый гриб из мокрой земли. Тогда конец. Нет уж, ни за что! Отпустив перстень, девушка вытерла слезы и решительно пошла в темноту.

Дождь хлынул сразу, словно дожидался в засаде. Холодные струйки побежали с волос, накидка потяжелела. В башмаках тут же захлюпала вода. Гремело теперь прямо над головой.

Пробираясь наугад, девушка забрала влево, поднялась выше – лишь затем, чтобы угодить в густые заросли терновника. Вспышка высветила его крепкие ветви, унизанные мелкой листвой и сизыми, кислыми даже на вид, ягодами. Колючки цеплялись за юбку, приходилось останавливаться и высвобождать ее, стараясь при этом не скатиться вниз. Башмаки скользили по мокрой траве. Девушка запыхалась так, словно штурмовала настоящую гору, а не пологий склон холма. К шуму дождя в ушах примешивались частые удары сердца.

Хуже всего – не знать, куда идешь. Чужая боль была как легкий запах дыма, который чувствуешь, но не можешь отыскать источник; девушка не смогла бы ответить, приближается ли к цели или давно сбилась с пути. Миновав заросли, она задержалась – перевести дух и осмотреться при свете молний. Но тут же поняла: еще чуть-чуть, и смелости не останется.

И, не разбирая дороги, кинулась навстречу затихавшему зову.

Он лежал вниз лицом на дне оврага, там, где пересохший было в летние месяцы неглубокий поток спешил наполнить прежнее русло. Дородный мужчина в грязном плаще, с седыми волосами, насквозь пропитанными грязью, с неестественно вывернутой правой рукой – вот и все, что успела разглядеть девушка в краткий миг, когда вспышка молнии вернула миру краски.

Вода плескалась у самых его ног, заливая и без того мокрые сапоги. Он молчал и лежал неподвижно, как мертвый, но боль, что позвала девушку и заставила, дрожа от страха, спускаться в темноте по мокрому склону, все еще была здесь.

Девушка взяла несчастного за плечо и с трудом, стараясь не потревожить больную руку, перевернула его на спину. И сразу же перестала бояться.

И вправду, что тут такого? Всего лишь ночь, гроза и раненый мужчина. Есть вещи куда страшнее, особенно сейчас, в темные времена, когда вернулись колдуны, когда тень ужаса лежит над Империей – вот настоящий страх, пред которым равны все, будь ты вельможа или последний нищий! Встреча с этим племенем для истинных людей равна смерти. Смерти или безумию, которое еще страшнее, чем смерть. Одна только сила жрецов способна противостоять колдовской Силе. Девушка не знала никого, кто видел бы лицом к лицу колдуна и остался бы жив. Никого…

Странная улыбка промелькнула на ее губах. Ей ли, побывавшей в Долине колдунов еще до начала Нашествия, дружившей когда-то с самым настоящим грифоном, пугаться больного мужчины!

Незнакомец застонал: движение все-таки потревожило сломанную руку.

– Тише, – ласково, как, случалось, говорила с больным братом или дедом, обратилась к нему девушка. – Теперь все будет хорошо. Потерпи.

Новая вспышка осветила его лицо – запавшие синие глаза под прямыми бровями, болезненный румянец на щеках, искусанные до крови губы. Прикоснувшись отереть грязь с его лба, девушка понимающе вздохнула: кожа незнакомца обжигала как огнем. Лихорадка. Та самая, что унесла жизни уже двенадцати соседей, что приковала к постели брата и заставила ее саму отправиться в неблизкий путь ради нескольких монет, необходимых, чтобы заплатить лекарю.

– Ты… – просипел незнакомец. – Ты…

– Я ехала мимо, – девушка отозвалась спокойно, почти весело. – Услыхала крики. Ты звал на помощь, и вот я здесь. Ты ведь не откажешься проехаться на телеге с капустой? Если ты знатный господин, я могу капусту и выбросить, но тогда мне нечем будет заплатить лекарю, а мой брат болен, как и ты.

Больных успокаивает человеческий голос – это девушка знала давно. Незнакомец поднял голову, пробормотал невнятное:

– Я… Ты… – и тело его обмякло, а голова бессильно упала.

– А вот это ты зря, – вздохнула девушка. – Выбрались бы наверх, тогда и падай в обморок. Как мне теперь тебя тащить?

При новой вспышке огляделась. Выше по склону осыпавшаяся земля, вырванная пучками трава и сломанные ветки отмечали неудачные попытки несчастного взобраться наверх. А вот противоположный склон казался не так уж крут, может, что и выйдет.

– Не откажешься перебраться на тот берег? Ты уже все равно мокрый.

Бесчувственный незнакомец не ответил. Девушка вздохнула, приподняла тяжелое тело и с кряхтением забросила его здоровую руку себе на плечо. И сказала:

– Вперед.

Часть первая. Баронесса

Глава 1. Заклятие над замком

– Схватился волосья на себе драть, да поздно было. Что делать? Спрятал он его в тех самых кустах. Ночью приходит барон за телом с одним слугой. А слуга ему и говорит: «Ваша милость, нехорошо выйдет, если здесь и зарыть»…

– А отец-то что, отец?

– Отец всю ночь, говорят, искал. Наутро герцог людей послал искать, думали, заблудился…

– А барон?

– А барон поутру домой поехал!

Наградой рассказчику послужил дружный хохот. История барона Иелара Кенского, подстрелившего на герцогской охоте сына старшего лесничего, была такой же обязательной частью пиршества, как пивные бочонки вдоль стен, украшенные зеленью молочные поросята на столе да грустные песни приглашенного менестреля. Порою Тагрия принималась гадать, кто из гостей будет рассказывать историю на этот раз.

Близилась полночь. Благородные утробы гостей его милости барона Дилосского уже вместили несметную прорву мяса, дичи и птицы; о количестве выпитого не стоило и говорить. В деревне, где прошла юность баронессы, на самый щедрый праздник урожая готовили втрое меньше, и хватало всем – работникам, детям, старикам и даже случайным прохожим. А какие веселые песни звучали там, поднимаясь от столов и далеко разносясь над убранными полями!

Под воспоминания Тагрия аккуратно догрызла поджаристую фазанью ножку. Взяла с блюда веточку прошлогоднего винограда, мелкого, но сладкого. Отправляя в рот ягоду, прислушалась. Неудачливый стрелок Иелар был забыт, вниманием благородных гостей завладела следующая история, за ней другая, с каждым разом все пикантней. Чем дальше, тем сильнее развязывались языки и так же быстро забывались изысканные манеры. Еще немного, и потомственные рыцари великой Империи начисто утратят разум. Женщинам и слугам к тому времени лучше убраться подальше.

Нижние столы почти опустели, но Тагрия все же обошла залу, выгоняя засидевшихся, пробуждая задремавших и увлеченных дармовым питием. Стайка догадливых женщин уже перебралась потихоньку за верхний стол, где была охотно принята и обласкана, ибо супруги благородных гостей на подобные встречи традиционно не приезжали. Пышная красавица, дочь конюшего, пристроилась на краешке скамьи, блестя глазками; увенчанный сединой рыцарь поил ее из своего кубка, в то время как его молодой и очень плотный спутник по-хозяйски обнимал за плечи. Выгнать бесстыдницу не удалось – молодой с ухмылкой пересадил ее к себе на колени, и Тагрия отступила.

Махнув рукой, отыскала взглядом Бетарана.

Он занимал последнее место за верхним столом – уже не мальчик, еще не воин, простолюдин по рождению, любимый брат и единственный оставшийся в живых родич баронессы. Именно ради него, чтобы мальчишка не повторил судьбу отца, она когда-то ответила барону согласием. Хоть и мечтала, глупая, совсем о другом.

За четыре года супружества Тагрия поумнела, мечты забылись, а брат – вот он, изящный юноша в алом, отделанном черным кружевом камзоле, манерами не уступающий потомственным вельможам. Уж и не помнит, наверное, за какой конец держат лопату.

Морий, барон Дилосский, стал для мальчишки не просто зятем и благодетелем. Да и как могло быть иначе, если от родного отца Бетаран с ранних лет не видал ничего, кроме побоев! А барон всегда весел, добр и полон достоинства, хоть и вино любит почти так же сильно, как отец.

Женившись на Тагрии, Морий, чьи собственные дети давно выросли и покинули отчий дом, с удовольствием занялся воспитанием младшего брата «своей крестьянки». Под его руководством Бетаран научился владеть мечом и копьем, управляться с настоящим боевым конем, в то время как нанятый бароном учитель давал ему уроки танцев и этикета.

Когда мальчику исполнилось шестнадцать, и он уже мог не ударить в грязь лицом перед юношами из благородных семейств, Морий сделал его своим оруженосцем. Больше всего на свете брат Тагрии мечтал о том дне, когда император призовет барона Дилосского присоединиться со своей дружиной к военному походу – хоть против колдунов, хоть еретиков с востока, все равно, лишь бы он, Бетаран, отправился туда вместе с Морием.

Пока что, к счастью, мечта не сбылась: на императорский призыв барон отправил пятерых своих вассалов с отрядом из двух сотен рекрутов-крестьян, и со спокойной душой остался дома предаваться забавам куда более безопасным, нежели война. Бетарана Морий не отпустил.

Разочарование не заставило мальчика разлюбить своего господина и зятя, наоборот. Бетаран подражал ему во всем, не различая достоинств и недостатков, в числе коих значились и чрезмерное пристрастие к вину, и любовь к молоденьким служанкам. Вот и сейчас – Бетаран пил и смеялся наравне со всеми и не забывал при этом поглядывать на барона. Вздохнув, Тагрия покинула залу.

Три раза в год окрестные землевладельцы съезжались в имение баронов Дилосских, и три раза в год замок возрождался к жизни. Топились печи, десятки свечей изгоняли тьму из обычно пустых и холодных комнат, нанятые в городе женщины выметали пыль и мусор, стелили постели для благородных гостей – особо старательно, если рассчитывали, ускользнув от бдительного ока хозяйки замка, остаться в этих постелях до утра. На кухню отправлялся целый штат помощников, и кухарка, вознесенная до недосягаемых высот власти, громогласно командовала гремящей, скворчащей и источавшей упоительные ароматы империей.

Завтра к вечеру пробудившиеся гости разъедутся. До самой ночи продлится уборка. Потом большая часть замка опустеет до следующего раза, и только в левом, жилом крыле, малой обеденной зале, в людской да в узкой галерее, соединявшей кухню с основным зданием, сохранится жизнь.

Каменные стены и тяжелые дубовые двери спальни не пропускали звуков, но взрывы хохота и жизнерадостные вопли гостей все равно звучали в ушах. На широкой кровати о четырех столбах, среди надушенных простыней баронесса Тагрия спрятала голову под подушку и приказала себе спать. Морий не придет – как обычно, пиршество затянется до глубокой ночи, а потом барон уляжется в постель с какой-нибудь из служанок.

Пусть. Тагрия не находила радости в супружеских ласках и не ревновала ни к томным беспридданницам-камеристкам, ни к грудастым кухонным девкам, при каждом удобном случае услаждавшим барона.

Что до бастардов, тут сложностей не будет. Благородную девушку, беременную баронским отпрыском, всегда можно пристроить замуж, дав хорошее приданное – родители девицы, да и будущий муж возражать не станут. Многие небогатые семейства затем и отправляют дочерей в услужение к сюзерену. Детишек же, прижитых от мелкой прислуги, вовсе никто не считает, да и как тут узнать, кто настоящий отец?

В любом случае пока жив старший сын Мория, детям Тагрии наследниками не бывать. Наверно, поэтому оба рожденных ею младенца не дожили до года. Одного сгубила детская

болезнь, другой был с рождения хилым, часто плакал, а однажды утром его нашли в колыбели мертвым.

С тех пор Тагрия под любым предлогом избегала супружеских обязанностей.

Утренний свет лишь обозначил линии предметов, когда Тагрия проснулась. В углах, за сундуками, вокруг кровати лежали густые тени. С прошлого утра нетопленая печь совсем остыла. Весна нынче выдалась поздней. Уже пришло время засевать поля, а по утрам на плитах замкового двора еще лежал иней, и лужа у колодца нет-нет да покрывалась корочкой льда. Вот и сейчас в окна сочился холод.

Поеживаясь, Тагрия пыталась вспомнить недавний сон. Что-то мерзкое, злое и очень близкое, но вот что…

Так и не вспомнилось. Тагрия со вздохом вылезла из-под одеяла. Затеплила свечу. Служанку звать не стала, оделась сама.

Светлое платье с широкими и длинными, по моде, рукавами украсил расшитый пояс. На груди – брошь с золотым селезнем, фамильным знаком баронов Дилосских. Вокруг шеи нитка жемчуга. Все драгоценности – наследство первой жены барона да его матери. Своей крестьянке, как называли Тагрию соседи, Морий украшений не дарил. Один только перстень с бриллиантом в день свадьбы. Перстень, никогда не покидавший левой руки баронессы, как вечное напоминание: вот твоя судьба, так будь же ей покорна.

И Тагрия покорялась.

Уложив желтоватые, как солома, волосы, прикрыла их тонкой сеточкой с каплями-жемчужинами. Зеркало в резной оправе отразило вполне достойную хозяйку замка. Бледность и веснушки были почти незаметны в полумраке, а плоская мальчишеская фигура казалась пышней из-за особого покроя платья.

«И вообще, – заметила Тагрия неодобрительно глядящим со стены портретам прежних баронесс, – меня в вашу компанию не за красоту взяли».

На другую стену она старалась не смотреть. Там висели портреты баронов, вплоть до самого знаменитого предка. Этот господин, мощью тела и чертами лица напоминавший дикого кабана, заслужил высокий титул сперва отчаянными подвигами в сражении с колдунами, потом безжалостными расправами над ними же. Его тяжелый взгляд словно преследовал Тагрию в первые годы супружества. Как будто грозный предок Мория знал о ней что-то очень неприятное и только поджидал момент, чтобы рассказать внуку. И тогда ой… страшно подумать!

«А думать-то и нечего, – тут же ответила она самой себе. – Если бы Морий знал, что я его спасла не случайно, а из-за колдовства, гореть бы мне на костре. А Бетарану…»

Не став продолжать страшную мысль, тихонько выскользнула из спальни.

Замок еще спал после долгого дня. Через час поднимутся слуги, над кухней воспарит ароматный дым, зазвенит посуда. Зашуршит десяток веников – благородные рыцари погуляли знатно, знатной будет и уборка. И только к полудню пробудятся наконец гости во главе с хозяином.

Но Тагрия всегда просыпалась до рассвета, как раньше, когда каждое утро спешила с подойником в хлев. Восходящее над Дилоссом солнце привыкло видеть ее стоящей на смотровой площадке главной башни.

Здесь давно не держали часовых. Истинные люди уже полстолетия не воевали меж собой – с тех пор, как его величество Ведий Решительный, дед императора Эриана, жестоко подавив восстание приморских графов и казнив зачинщиков, постановил: нарушителей спокойствия, независимо от звания и прежних заслуг, предавать смертной казни, а земли их при-

числять к личным императорским владениям для последующей передачи в руки доказавших свою преданность вассалов.

От нападения же колдунов часовые не спасут, разве что первыми падут от заклятия. Вся надежда на жрецов, Божьих стражей, приставленных императором ко всем замкам, городам и селениям Империи. Но и жрецы не всегда могут остановить серый колдовской туман.

Они тоже встречали рассвет – на угловых башнях внешней стены, где можно расположиться куда удобней, чем на заброшенной, ненадежной от старости площадке главной башни. Тагрия чувствовала близость непонятной храмовой силы и могла бы, присмотревшись, увидеть трепещущие на ветру алые сутаны. Но не хотела. Она не любила жрецов и не доверяла им. И хоть давным-давно научилась прятать свою слабенькую магию под надежный замок, все же старалась лишний раз не попадаться им на глаза.

Каменное ограждение растрескалось и грозило обвалиться, но Тагрия без страха облокотилась на перила. Ощущение мерзкого сна не отступало, на сердце давила тяжесть, и прогнать ее могло лишь одно.

Тагрия запрокинула лицо, от желтовато-серых строений замка, будто по линейке расчертивших плоскую вершину холма, от разбросанной под холмом пестроты черепичных крыш и башен Дилосса к медленно расцветающей синеве утреннего неба.

Налетел ветер. Небрежно накинутая на плечи шаль вздулась, словно крылья. Придерживая на груди концы шали, Тагрия закрыла глаза. Свежие дуновения – как весточка от далекого друга. Мир ожил, налился соком. Заиграл сотнями красок. Бледные огни спящих внизу людей, поярче – проснувшихся, воинственно-алые всполохи жрецов. Коровы и овцы в стойлах, лошади, собаки, даже крысы в подвалах замка расцвели каждая своим, неповторимым светом. Ветер, и тот не бездумно трепал ветви деревьев и волосы Тагрии – в его порывах виделась чуждая и непонятная, но живая сила.

Холод кусал за плечи, по рукам бежали мурашки, за спиной как будто хлопали крылья.

Земля лежала внизу, полная чудес и тайн. Какое же это счастье – видеть! Как другие живут совсем без магии, не зная даже, какой яркий и густой на самом деле мир? Что дает им силы начинать новый день?

Обязанности хозяйки замка звали вниз, но Тагрия все стояла, пытаясь вдоволь напиться ветром и свободой. Еще немного, еще…

Что это? Как будто холодная тень коснулась тела. Ночной кошмар, мерзкий и опасный, вернулся, только теперь это был не сон.

Тагрия перепуганно вцепилась в перила, распахнула глаза. Ни одна тучка не омрачала ясного неба над землями баронов Дилосских. Но страх не проходил, наоборот, он усиливался с каждым мгновением, замораживал, останавливал сердце.

Шаль упала на пол. Тагрия снова зажмурилась, уже зная, что сейчас увидит, и правда – серая пелена застилала магический взгляд, расплывалась, скрывая замок. Ветер раздувал ее, унося дальше, к Дилоссу.

Тагрия открыла рот, но крикнуть не смогла. Она знала без всяких слов, что это. Знала, что не ошиблась, что высоко в небе быстрыми тенями летят прочь грифоны, унося неведомо куда смуглокожих и черноволосых всадников. Магов, обрушивших на землю баронов Дилосских заклятие.

И тогда Тагрия закричала мысленно:

«Вот видишь, что получилось! Видишь?!»

Тот, кого она звала, не ответил – как не отвечал уже долгих восемь лет. Тагрия обреченно опустила голову.

И поняла, что все еще боится.

Серость уже совершенно затянула двор и замок. Его обитатели превратились в безмозглых кукол, не имеющих ни страха, ни голода, ни даже капли ума, чтобы попробовать убраться отсюда. Все, кроме жрецов – и Тагрии. Она все еще чувствовала страх и обиду. Ее ум остался чистым, а уж кому, как не ей, побывавшей в рабстве у магов, знать, в какую трясину превращается он под заклятием!

Едва сообразив, что к чему, уже неслась вниз по лестнице. Быстрей, еще быстрей, рискуя свернуть шею! Слабенькая, почти придуманная магия не раз выручала ее прежде, не подвела и сейчас. Теперь у Тагрии оставалось два дела: вытащить отсюда брата и не попасться жрецам. Если те поймут, каким чудом баронесса Дилосская избежала общей беды…

Соломенные волосы, светло-голубые глаза, белая кожа – надежные доказательства принадлежности к истинным людям, но чем они помогут колдунье? Колдунов нельзя оставлять в живых. Таков закон Храма. Его соблюдали в Империи даже в мирные дни, когда никто, кроме жрецов, не ждал, что колдуны вернутся.

И вот – уже восемь лет длится Нашествие. Восемь лет маги являются, подобно теням, в разных уголках Империи, обрушивая на ее земли серый туман заклятия.

Дважды императорские войска вступали с ними в открытый бой, и дважды истинные люди одерживали победу, а что касается мелких столкновений, тех в вовсе не сосчитать. Говорят, многие воины Империи теперь зовутся вольными жрецами – они не давали обетов, но Храм по воле императора открыл им свои тайны и научил бороться с заклятием. Их никто не обвинит в колдовстве!

А маг, сидящий по правую руку от императора? Тот, кто принес победу в битвах, кто безжалостно преследует рассеявшихся колдунов и, говорили, почти истребил их? Его имя произносят с почтением даже сами жрецы. Почему же Тагрия должна скрываться, боясь за свою жизнь?!

Она ворвалась в свои покои, дрожа не от страха – от злости. Сердце колотилось как сумасшедшее, когда Тагрия переодевалась в дорожный наряд, застегивала на плечах теплый плащ и выбирала второй – для Бетарана.

В кошеле грустно звякала дюжина золотых монет. Не идти же за деньгами к казначею! Тагрия прошептала ругательство, но тут на глаза попалась тяжелая кованая шкатулка с драгоценностями баронов Дилосских. Морию они теперь все равно не нужны!

Тагрия уже высыпала в кошель разноцветный драгоценный мусор, когда взгляд зацепился за кольцо – единственное, что принадлежало ей лично.

Полупрозрачный зеленый камень в форме звезды знакомо блеснул, будто подмигнул ей. Тагрия подняла перстень на ладони – знакомый, почти родной, он был как привет от далекого друга.

От бывшего друга.

Еще мгновение она смотрела, потом зажмурилась и резко взмахнула рукой, зашвырнув драгоценное кольцо куда-то в дальний угол комнаты. Прихватив кошель и одежду, помчалась искать брата.

В открытые окна долетали тревожные голоса жрецов. Не заметили вовремя, не смогли остановить или попросту не совладали с настоящей Силой? Теперь им осталось только спасать людей. Не излечивать, это жрецам не под силу, всего лишь не давать умереть. Заставлять есть, пить, засевать и убирать поля, топить зимой печи. Как послушных кукол, как живых мертвецов!

Глотая слезы, Тагрия быстро шла по коридорам. Вокруг прямо на полу сидели и лежали слуги. Один расплескал ведро воды, да так и остался в этой луже, другой свернулся клубком

на собачий манер, третий задумчиво прислонился к стене и пускал слюни. Седой рыцарь, что ухлестывал вчера за служанкой, единственный из всех гостей поднялся до прихода заклятия. Теперь он медленно брел, натыкаясь на углы, как слепой.

Тагрия замотала головой, стараясь не смотреть в пустые глаза обреченных. Она ничем, ничем не смогла бы им помочь. Есть только один, кто может, может все, но он далеко. Он забыл про Тагрию.

И пусть. Ей надо спасти Бетарана. Увести с заклятого места, пока не поздно, пока есть надежда. Тагрия в ответе за него – перед мамой, перед дедушкой, перед самой собой. Если Бетаран умрет, все зря. Глупое это баронство, чужие руки на ее теле, умершие дети – все!

На ее счастье искать Бетарана не пришлось. Он с детства не любил ранних пробуждений, а теперь и вовсе не спешил вставать по утрам. А уж после ночного гуляния, да уложивши в постель девицу…

– Мелкий похотливый кобелишка, – бормотала Тагрия, выволакивая из кровати ненаглядного братца и натягивая на него штаны. – В следующий раз так тебя и оставлю. Может, поумнеешь!

В глазах Бетарана, глядящих куда-то сквозь нее, не было ни стыда, ни удивления, вообще никаких чувств. Он безропотно позволял поднимать и поворачивать себя, шел, когда Тагрия тянула его за руку, и замирал, стоило ей отойти. Поверх смятых простыней забытой игрушкой осталась девица. Одеяло сползло на пол, обнажив пышные прелести, что услаждали всю мужскую половину замка, не исключая и самого барона.

Надо признать: распутник и пьяница Морий был при всем том человеком честным и благодарным. Потому-то, очнувшись после жестокого приступа лихорадки и сообразив, что спасительница, неведомо как отыскавшая его на дне оврага, куда барон свалился в беспамятстве после падения с лошади – крестьянская девушка-сирота, Морий не стал откупаться горстью золотых монет или быстрой любовью в ближайшем стоге сена. Он возложил на голову Тагрии венец баронессы, сравняв ее этим с первыми дамами Империи. А если и предпочитал худой плоскогрудой жене дам и девиц поотзывчивей, кто посмеет в том барона упрекнуть?

Правда, чего они все стоят теперь? Взять хоть эту – пустой взгляд, бесстыдно раскинутое тело, струйка слюны изо рта. Но ведь и Морий сейчас такой же, значит, каждому свое. А ей, Тагрии, здесь больше делать нечего.

Слегка подталкивая Бетарана в спину, Тагрия повела его к выходу. Заколдованные встречали их пустыми взглядами. На верхней ступеньке лестницы услышала голоса и едва успела затащить брата в тесную, заставленную сундуками каморку.

– Сиди тихо, – прошептала она и осторожно выглянула.

– Вверх. Поднимай ноги, – терпеливо, будто ребенку, говорил кто-то.

– Не хватает трех рыцарей и баронессы, – бубнил другой. – Ты уверен, что список гостей точный?

– Откуда мне знать? Тот, кто его писал, в неподходящем виде для расспросов. Еще выше, барон. Скоро придем.

– Первым делом всех напоить, – вмешался третий голос, – без еды пока не помрут. Нажрались вчера, как…

– Брат, – сказал первый укоризненно.

– Молчу…

Чуть приоткрыв дверь каморки, Тагрия увидела жрецов, поддерживающих за локти Мория. Барон выглядел достойнее других заколдованных. Он потерял где-то пояс и плащ, но шелковая туника осталась чистой после вчерашнего застолья, седые кудри казались расче-

санными, а взгляд, хоть и остановившийся, направлен был строго вперед. Взгляд больного, а не безумного.

Таким же он был в первую их встречу, когда юная Тагрия тащила его под дождем по размокшему склону. Сжигаемый лихорадкой, совершенно мокрый, терпящий мучительную боль барон мог потерять сознание, но не достоинство. Таким оставался он и теперь.

С легкой виноватостью Тагрия смотрела, как двое жрецов уводят ее мужа, а третий шествует за ними, уткнувшись в скомканный пергамент и что-то бормоча себе под нос. Когда алый силуэт последнего пропал из глаз, она вытащила на свет Бетарана и поспешила покинуть замок баронов Дилосских – навсегда.

Глава 2. Разбойники и колдуны

По счастью, жрецы были слишком заняты обитателями замка и не оставили никого охранять ворота. Тагрия осторожно вывела наружу лошадей – на одной из них неустойчиво сидел Бетаран. Закрыла тяжелые створки.

Забравшись в седло, подобрала повод смирной лошадки, которую выбрала для брата, и причмокнула, направляя обоих вперед. Но не тут-то было – Бетаран сразу начал заваливаться, так что Тагрия едва успела поймать его за плечо.

– Бетаран, держись, – сказал она, подражая терпеливому голосу жреца.

Не помогло. Тагрия насильно сжала пальцы брата на луке седла, но уже через несколько шагов они разжались, и Бетаран мешком свалился на землю. Свалился, да так и остался лежать, раскинув руки.

Тагрия чуть не расплакалась. Убедившись, что он ничего себе не повредил, усадила обратно.

– Бет, сиди хорошо, пожалуйста! – взмолилась она. – Нас сейчас увидят с башни, и тогда все!

Он не слышал, не понимал.

«Ну, ладно же», – со злостью подумала Тагрия.

Зажмурилась и впервые с тех пор, как Морий надел ей на палец свое кольцо, отчетливо представила высокого человека в блестящей одежде, какие носят маги, черноволосого, с хмурым внимательным взглядом черных глаз.

И сказала, как сказал бы он:

– Бет, сожми лошадь коленями и держись. Крепко. Не отпускайся, пока я не разрешу.

Бетаран не повернул головы и никак не показал, что услышал, но его ноги крепко сдавили бока лошади, а руки вцепились в луку седла.

– Вот так-то, – одобрила Тагрия, вскакивая в седло и пуская лошадей легкой рысью.

Бетаран сидел как влитой. Кругом царило безмолвие, нарушаемое лишь цоканьем копыт да негромким звяканьем сбруи. Весна лишь начала одевать мелкой листвой редкие деревца на склоне холма, и со стен замка легко могли увидеть двух всадников на полпути к городу. Вот только смотреть было некому. Через час узкие улицы и красная черепица Дилосса остались в стороне – Тагрия специально забрала вправо, и негустая полоса лесных угодий наконец-то скрыла от глаз замок.

Дорога, не столь ровная, как древние дороги колдунов, но содержавшаяся в полном порядке, извивалась, огибая лес, и за следующим холмом утыкалась в развилку. В число вассальных повинностей баронов Дилосских входила забота о находившейся здесь почтовой станции. Бревенчатый домик, примечательный лишь императорским гербом – золотая львиная голова на фоне черно-красных клеток, в обрамлении золотых же дубовых листьев, – что красовался над дверью, выглядел пустым, только из конюшни нет-нет да раздавалось лошадиное всхрапывание. Серый туман побывал и здесь. Он растекся дальше и быстрее, чем можно было ожидать по рассказам, и наверняка захватил ближайшую деревню, а может быть, и не одну. Наследнику Мория нечего будет наследовать.

– Куда направимся, Бет? – спросила Тагрия, хоть и не ждала ответа. Было так тяжело ехать рядом с братом и молчать, как будто везешь покойника. – Может быть, ты по дому скучаешь?

Он не ответил, да Тагрия по правде и не думала сворачивать к северу. Милая деревушка, где прошла ее юность, где похоронены отец и дед, достаточно далеко, чтобы серый туман до нее не добрался, во всяком случае, Тагрии очень хотелось в это верить. Но ехать и проверять она не собиралась. Там ей нечего делать.

Ей в другую сторону, к Ферру. В таком крупном городе много жрецов, маги побоятся с ними связываться. Они уже несколько лет не смеют появляться в центре страны. А значит, если хочешь сбежать от заклятия – езжай ближе к столице.

Вот только далеко ли уедешь на пустой желудок?

Тагрия с сомнением оглядела мирную картину, так непохожую на ту, что открывалась магическому взгляду. В доме точно кто-то есть, и этот кто-то заколдован так же, как Бетаран. А еще там есть еда, питье и все, что необходимо для отдыха в пути. Можно ли просто так пойти туда и взять чужое? Ведь она уже начала – забрала драгоценности Мория. Украла, если говорить честно.

«Ну, вообще-то, не так уж и украла, – возразила Тагрия неведомо кому. – Я ведь его жена, да? А если украла, то и он… много раз крал меня, а я ведь совсем не ему принадлежу!»

И, будто испугавшись, что невидимый спорщик пустится в расспросы, твердо закончила: «А самой себе!»

В конце концов она успокоила совесть, которая, по словам жрецов, есть не что иное, как голос Божий, напоив и накормив пятерых оказавшихся на станции мужчин в обмен на добрый обед для себя и Бетарана, а также запас еды, воды, вина и овса для лошадей, который приторочила к седлам. Можно было бы заодно разжиться сменными лошадьми и экипажем, но тут опять вмешалась совесть.

Тагрия не стала тратить время на споры. Время шло, Бетаран оставался все так же молчалив и равнодушен, и нетерпение, как прожорливый жук-короед, все больнее грызлось внутри.

После полудня дорога привела к деревне, маленькой и уютной в окружении вспаханных полей. Тагрия миновала ее не останавливаясь. Когда последние крыши пропали из виду, устроила привал – задать корм лошадям и Бетарану. Его пришлось кормить почти насильно. Сама Тагрия с трудом проглотила немного хлеба и воды. Отдохнув, поехали дальше и до вечера миновали еще одну деревню, похожую на первую, как родная сестра. Ни в той ни в другой не осталась никого в здравом уме, только жрецы – вездесущие жрецы, они уничтожали заклятие, отчего серый туман уже почти развеялся, но не могли помочь заколдованным людям. Так же, как Тагрия не могла помочь Бетарану.

Он был все таким же – спокойным и послушным. Пустыми глазами смотрел на дорогу и молчал. Тагрия стискивала зубы и запрещала себе думать о плохом.

По всему, что слышала она раньше о заклятиях, это выходило каким-то особенно широким. Обычно заклятия охватывали деревню или реже – город, но не тянулись на многие мили во все стороны, да еще так быстро. Обычно. А теперь? Как далеко разошлось это? Разве император Эриан не ослабил магов настолько, что они уже почти не решаются высунуть голову из дальних уголков Империи, где попрятались? Разве Нашествие не подошло к концу?

Сейчас Тагрия сожалела, что плохо слушала застольные разговоры мужчин.

Ночью она долго не могла заснуть. Лежала вместе с братом на расстеленных попонах и слушала негромкое хрумканье лошадей. Ночь выдалась неожиданно теплой, как будто лето подумало-подумало да и решило все-таки наступить. А может быть, добрая судьба нарочно хранила Тагрию от мелких неудобств, оставляя взамен лишь самые отборные, вроде отшибающих ум заклятий и ранних смертей всех, кого она любила.

Безлунное небо висело над холмами, как черное решето, где звезды были дырками, пропускавшими далекий солнечный свет. Вот дырки вздрогнули, на миг заслоненные крылатой тенью. Птица. Всего лишь птица.

Тагрия закрыла глаза. Рядом негромко дышал Бетаран – то ли спал, то ли просто лежал, как младенец, ни о чем не думая.

Ночь, запах лошадей и мокрой земли, прохладный воздух на щеках, зовущие звуки леса. Она мечтала об этом. Когда-то. Собиралась после смерти дедушки уйти бродяжничать, может, даже пристать к разбойникам – говорили, среди них бывают женщины. Променять тоскливую крестьянскую жизнь на свободу и опасности и, может быть, смерть, но Тагрия не боялась смерти, только скуки.

И потом, однажды, где-нибудь встретить Его. В то время ей твердо верилось, что так и будет. И сказать…

Правда, что именно она скажет, Тагрия никак не могла решить. Все, что воображала ночью, поутру казалось ужасно глупым, а к вечеру уже придумывалось новое, еще глупее.

А потом погиб, забитый до смерти своими пьяными дружками, отец, всего через месяц умер дедушка, и смертельная лихорадка чуть не забрала Бетарана, а Тагрия встретила Мория. Не встретила – нашла. Стала баронессой и приказала себе не думать больше о том человеке.

Теперешнее же путешествие случилось без ее воли. И, само собой, она не собиралась никого искать. Если только… если только не окажется, что Бетарана иначе никак не излечить.

«Тогда я тебя найду, – пообещала Тагрия зло. – И ты его расколдуешь. Только попробуй отказаться, твое высочество!»

Через два дня холмы измельчали, стали чаще попадаться речки с перекинутыми мостами из толстых бревен, рощи и лиственные леса, уже одетые кружевным зеленым убором. Тогда же стало ясно, что Дилосс не первым попал под заклятие. Оно прошло как гигантская волна, смывая селение за селением и оставляя мертвенный след погубленных жизней. Ничего подобного прежде не случалось, теперь Тагрия была уверена – это не обычное нападение. И надеялась только, что поражена не вся Империя.

Каждый день, ухаживая за братом, заставляя его принять пищу или справить вовремя нужду, Тагрия пыталась дозваться его. То шутила и смеялась, то напускала сердитость, то пробовала «магический» голос, приказывая проснуться…

Бетаран молчал.

Преодолевая отчаяние, Тагрия снова и снова говорила с ним и очень скоро поняла: брат слышит каждое слово, слышит, хоть и не может ответить. Теперь его не приходилось насильно кормить, как в первый день, достаточно было сказать «ешь», и Бетаран послушно принимался за еду. Предоставленный сам себе, он все так же замирал, глядя перед собой.

Тагрия то молилась, то призывала проклятия на головы магов и упрямо продолжала его звать.

Несколько раз им встречались жрецы – настоящие и вольные, они быстро проезжали отрядами в несколько десятков человек. Такие патрули ездили теперь во множестве по дорогам Империи, следя за порядком, разыскивая следы присутствия колдунов и приходя на помощь попавшим под заклятие. Тагрия все еще не решалась показаться им на глаза. Она так и не придумала, как объяснить, почему брат заколдован, а она – нет, поэтому всякий раз, почувствовав их еще издалека, съезжала с дороги и принималась искать укрытие.

А однажды вечером она нашла жрецов у дороги – мертвыми.

Неизвестно, почему они ехали такой маленькой группкой, куда спешили так, что не побоялись вшестером отправиться в путь через заколдованные места.

В легендах говорилось, что грифон одним ударом разрывает коня и всадника. Тагрия и раньше знала, что в легендах не все правда, вот и здесь – грифонам точно пришлось ударить не один раз. Может быть, два или даже три.

Когда смогла наконец оторвать глаза от страшного зрелища, Тагрия посмотрела вверх. Но ни грифонов, ни даже стервятников не увидела, только легкие перистые облака кружили над мертвецами.

– Знаешь, Бет, – дрожащим голосом сказала Тагрия, – мне тут не нравится. Поехали-ка дальше. И вообще, давай сегодня попозже остановимся, а?

Бетаран спорить не стал. В последнее время он взял привычку во всем соглашаться с сестрой. Не то что раньше – но как же она скучала по прежнему, языкастому, упрямому как мул Бетарану! И пусть бы он во всем подражал Морию, пусть бы вечно спорил с ней, насмехался и грубил, лишь бы не это мертвое равнодушие!

Солнце село, но Тагрия упорно подгоняла лошадей, пока не стало совсем темно. Тогда она устроила привал как можно дальше от дороги, в буковой роще. Быстро накормила Бетарана овсяной лепешкой и связкой сушеных слив, найденных в крайнем доме одной из встречных деревень. Хозяев там не оказалась – то ли их увели жрецы, то ли забрали для своих нужд маги. Тагрия не стала выяснять.

А ночью, когда она лежала, слушая дыхание брата и боясь заснуть, над верхушками буков пронеслась крылатая тень – никакая птица бывает такой огромной.

Тагрия не вскрикнула, только открыла рот и зажала его ладонями.

Тень на мгновение закрыла небо и улетела дальше, туда, где остались мертвые жрецы. Вскочив, Тагрия в ужасе смотрела ей вслед. Но колдовской зверь, похожий сразу на льва и на орла, не вернулся за двумя человеческими жизнями. Не в этот раз.

В ту ночь она впервые заплакала, обняв молчащего Бетарана и дрожа, как мышонок перед кошкой. Одна, с глупой своей детской магией, когда вокруг все отмечено заклятием, а над головой летают грифоны – куда она вообще едет? Что ей искать, если везде то же самое, везде серый туман и маги, и жрецы, которых маги убивают?!

Но пришло утро, с белесым рассветом, с легкой весенней прохладой, и Тагрия упрямо оседлала лошадей и продолжила путь. Серо-коричневая полоса дороги с местами проросшей травой давала если не надежду, то хоть занятие. Остановишься – не будет и этого. Тогда проще было остаться в Дилоссе и ждать милосердия от жрецов.

Теперь ее пугало все: безлюдье и тишина, и глухой стук копыт, и пустая дорога через бесконечные дубравы, час за часом, так что непонятно уже, едешь или топчешься на месте. В любом звуке чудилось хлопанье крыльев. Тагрия так напрягалась, пытаясь почувствовать магов, что заболела голова. Но ни грифонов в небе, ни жреческих отрядов на дороге ей не встретилось, ни в тот день, ни на следующий. Встретились другие, о ком она забыла и думать. Оказалось – зря.

Разбойники всегда водились на дорогах Империи. Прежде, в смутные времена междоусобных войн, когда озабоченным вечными раздорами властителям недосуг было следить за порядком на своих землях, разбойничьи банды держали в страхе целые области, нередко состоя при этом на службе у кого-нибудь из соседних сеньоров. Конец их раздолью наступил в славное правление Ведия, неспроста прозванного Решительным.

В те дни, как повествуют хроники, виселицы стояли на каждом перекрестке дорог, у каждой деревни и под каждым холмом, и не было города, у чьих стен не возвышался бы целый лес этих удивительно полезных столбов, и редко хоть один из них оставался незанятым. Потому-то, как утверждают те же самые хроники, ко дню восшествия на престол императора Атуана от северных гор до южной пустыни, от приморских областей на западе и до восточных, занятых еретиками земель, в Империи царили спокойствие и порядок, так что кроме тех самых еретиков, юному императору было решительно не о чем беспокоиться.

Говорили, что тем и объяснялся необычно мягкий нрав Атуана – императора, желавшего положить конец вражде с еретиками и принявшего в свою семью ребенка, рожденного от колдуна.

Еще говорили, что эта мягкость, которую унаследовал его величество император Эриан, и стала, в конце концов, причиной возвращения колдунов.

А с их возвращением, когда злое колдовство накрыло многие города и селения Империи, на дорогах опять развелись бродяги и разбойники – ведь они, как известно, колдовства боятся не больше, чем виселицы.

Все это пронеслось в голове у баронессы Дилосской быстрее молнии, когда всего в каких-нибудь тридцати шагах от ее укрытия на перекресток, с дороги, ведущей с востока, от Салианы, выехал конный отряд.

Их одежда и снаряжение были разношерстны до смешного. Из-под потертых плащей одних проглядывали кольчуги, а головы, несмотря на жаркое солнце, вместо шляп венчали начищенные шлемы; другие блистали яркими, хоть и не слишком чистыми шелками и бархатом, третьи будто одевались в темноте и вдобавок спьяну – затертые рабочие штаны с изящным господским камзолом, к примеру. Но оружие у всех было доброе, и было его много. Лошади, если Тагрия хоть что-нибудь в них понимала, казались не хуже тех, что стояли в конюшнях барона Мория.

Опасные путники, слишком похожие на разбойников, остановились у развилки. Тагрия видела их сквозь завесу спутанных ветвей. И ругала себя последними словами, что не спряталась получше. Незнакомцы переговаривались о чем-то, поначалу спокойно, затем, видно, не пришли к согласию – голоса зазвучали громче, кое-кто принялся размахивать руками, указывая то на одну, то на другую сторону дороги.

Тагрия наклонилась, обеими руками погладила лошадей. Если не хрустнет под копытами ветка, если ни одна не заржет, все обойдется. Может обойтись.

Никогда еще она не испытывала свою магию так, но сейчас мысленно потянулась к незнакомцам:

«Хватит спорить… езжайте дальше…»

Лучше бы ей не пробовать!

Тот, что был ближе всех, вскинул голову будто гончая, почуявшая дичь. Оттеснив кого-то, подъехал другой – женщина, видно, единственная в отряде. Солнечный свет упал на их лица, до сих пор скрытые полями шляп. Очень смуглые лица, и где их угораздило так загореть весной? Если это вообще загар, а не…

Мужчина повернул голову, и Тагрия все поняла прежде, чем встретила удивленный взгляд его темных глаз. Так вот почему разбойники не боятся заклятий!

Одно слово, брошенное резким голосом, и Тагрия с Бетараном оказались в шумном кольце всадников. Мечи со свистом вылетели из ножен и растерянно вернулись обратно, когда их хозяева разглядели, на кого так храбро нападают.

Смуглокожий мужчина подъехал ближе. Тагрия постаралась заслонить собою брата. Попросила – от страха ее голос сорвался и получился жалобный писк:

– Пожалуйста, не трогайте нас! Пожалуйста, дайте нам проехать! Мы просто путники!

Взгляд незнакомца оценивающе скользнул по ее одежде, задержался на седле с выдавленным в коже рисунком, украшенной изящными бляшками сбруе. Тагрия пожалела, что недостаточно покрылась дорожной пылью.

– Простые путники? Здесь? – спросил он насмешливо. – Разве благородная госпожа не знает, что это заколдованное место?

– Но вы-то не заколдованы! – возразила Тагрия.

Кто-то из разбойников засмеялся. Смуглокожий ответил все с такой же усмешкой:

– Разве благородная госпожа не видит, что я колдун?

Дочь разорившегося трактирщика госпожа Тагрия прищурила глаза. Ей приходилось воочию видеть настоящих магов. В этом, без сомнения, текла их кровь, но очень, очень разбав-

ленная. Глаза его вблизи отливали скорее коричневым, нежели черным, а цвет кожи был чуть темнее густого загара. Продолговатое лицо с округлым подбородком, небольшим аккуратным носом и прямым лбом подошло бы любому из истинных людей.

«Тоже мне, колдун. Это, если хочешь знать, обидное слово! Надо говорить – маг!»

И Тагрия сказала, сама не зная зачем:

– Я тоже.

Разбойники дружно расхохотались. Потом женщина подъехала ближе, положила руку на плечо горе-колдуна, как будто прося его подождать. Блестящие черные глаза пронзили Тагрию, как нож масло.

Ну уж нет! Живя в кишащем жрецами замке, Тагрия давно научилась защищаться от слишком внимательных глаз. Толстая каменная стена послушно выросла в ее мыслях – попробуй-ка пробей! Женщина удивленно нахмурилась. Тагрия улыбнулась, в свою очередь заглядывая в душу незнакомки. До чего же, оказывается, приятно быть сильнее кого-то в магии!

– Она не врет, Тинкал, – сказала женщина. – Она такая же, как мы.

И кивнула Тагрии – с интересом и уважением. Тагрия ответила тем же. Она уже почти не боялась.

Горе-колдуну Тинкалу такой оборот вовсе не понравился. Он стряхнул с плеча руку своей спутницы и огрызнулся:

– Ослепла, что ли? Она совсем белая!

«А ты недостаточно темный», – подумала Тагрия.

– Ты никогда не встречал чистокровных колдунов и боишься, что они тебя не примут за своего, – сказала она. – Ты злишься, что плохо понимаешь чужие мысли. У тебя мозоли от сапог, которые ты снял позавчера с покойника. И чешется – сказать, где?

Женщина засмеялась:

– Видишь? Возьмем ее с собой.

– Хватит и нас двоих.

– Дерьмо! Не дури, Тинкал! Знаешь ведь, что она пригодится!

Тинкал сплюнул сквозь зубы. Окинул Тагрию злобным взглядом, потом вспомнил про Бетарана.

– А это что за безголосый прыщ за тобой?

– Он не безголосый, он заколдованный, – ответила за Тагрию женщина. Тронула коленями лошадь, подъехала ближе. – Зачем ты его с собой таскаешь?

– Хочу расколдовать, – просто сказала Тагрия.

– Ты умеешь? – сразу же спросил Тинкал.

– Нет.

Женщина с интересом разглядывала Бетарана.

– Твой любовник? – наконец спросила она.

– Мой брат, – Тагрия потянула повод, чтобы лошадь Бетарана подошла ближе. – Не трогайте его!

Пустые глаза ее брата смотрели куда-то сквозь разбойников. Плащ был распахнут, алый бархат камзола, того самого, в котором Бетаран был на пиру, покрыт пятнами от еды и вина. В короткой светлой бороде запутались крошки.

Молодой разбойник прямо перед ними сделал тайком знак от колдовства.

– Отпустите нас, – попросила Тагрия. – У меня есть деньги. Драгоценности. Возьмите все, только оставьте нас!

Почему-то от ее слов все засмеялись. Все, кроме женщины. Она послала Тагрии тот же пронизывающий взгляд.

– Они все возьмут, будь спокойна! А тебя не тронут, пока я не разрешу. Ты поедешь с нами.

– А мой брат?

– Оставишь его здесь, и не думай… – начал Тинкал, но женщина снова его перебила:

– Если обещаешь делать, что тебе скажут, можешь взять его с собой. Правда же, Тинкал?

Тот бросил ей злобный взгляд:

– Будь я проклят, если стану нянчиться с полудохликом!

– Забудь, она сама с ним нянчится. А не будет слушаться, перережешь мальчишке горло. Идет?

Их спутники молча слушали, глядя то на застывшую в седле Тагрию, то на своих предводителей. Все они были обычными людьми, без примеси колдовской крови. Истинными людьми. Что побудило их поставить над собой проклятых колдунов?

Молчание затянулось. Беспокойно переступали лошади. Тагрия через силу распрямила сжатые в кулаки ладони. Будь она по правде магом…

Тинкал снова сплюнул.

– Идет. Ты все поняла?

Тагрия быстро кивнула. Что угодно, только бы они не тронули Бетарана!

– Едем, – приказал Тинкал.

Глава 3. Ты в него влюблена?

Тагрия снова ехала по той же дороге к Ферру. Ее руки не связали, и повод лошади Бетарана все еще был у нее. Даже кинжал на поясе остался при ней – Тинкал небрежно взвесил клинок на ладони и, скривившись, вернул. Кошель, впрочем, забрал. Впереди и сзади ехали разбойники, так что убежать Тагрия не смогла бы, а помня угрозу Тинкала, не хотела и пытаться.

Грозные, похожие на великанов из детских сказок, дубы и вязы подступали теперь к самой дороге. Тянули ветви, словно хотели сомкнуть их над головами путников, шелестели молодой листвой. Под копытами шевелились их причудливые тени. Корявые корни торчали из земли, вгрызались в края древних каменных плит, но разрушить их не могли.

Женщина с дружелюбным видом пристроилась рядом. Она куда больше, чем ее спутник, походила на настоящего мага. Тагрия с непонятным чувством рассматривала ее, высокую, молодую – чуть старше двадцати лет, очень красивую необычной красотой магического племени. Примесь крови истинных людей смягчила ее лицо, оно не казалось таким угрожающим, как у женщин Долины. И все же от ее вида першило в горле.

Богатый, хоть и покрытый пылью дорожный костюм – узкое платье с разрезом, небрежно подобранное вверх, так что можно было видеть нижние штаны из плотной шерсти, короткий, украшенный бахромой плащ – отлично на ней смотрелся, но что-то подсказало Тагрии, что наряд с чужого плеча. Короткий изогнутый меч на левом бедре не походил на украшение знатной дамы, зато внушал почтение. Тагрия решила как-нибудь тоже обзавестись такой деталью туалета.

– Я Исара, – сказала женщина. – Я не вижу тебя изнутри. Это так странно. Как тебя зовут?

– Тагрия.

– Тагрия… А ты меня видишь? Там, изнутри?

Синеватый оттенок ревности, ненастоящая веселость. Злость и глубоко запрятанная боль.

– Да, вижу.

– Странно, – повторила Исара. – А по виду не скажешь, что в тебе наша кровь.

Тагрия улыбнулась одними губами.

– Ее и нет.

– Как?!

Исара резко повернулась в седле. Она казалась и сердитой, и растерянной одновременно.

– Ты сказала, ты колдунья!

– Ты же тоже так сказала, – смутившись, напомнила Тагрия. – Я не лгу.

– Но если в тебе нет нашей крови, ты не можешь… Нет?

– Ну… Я училась немного у настоящего мага.

«Правда, он не знал, что я у него учусь».

– Настоящего – кого?

– Так себя называют колдуны. Я думала, ты знаешь.

Исара с завистью покачала головой.

– Я не видела настоящих. И он… тебя не убил?

В горле опять заскребло. Тагрия прикрыла глаза. Голос ее показался странно спокойным:

– Нет, не убил.

Разбойница недолго выбирала между гордостью и любопытством:

– Расскажи, Тагрия. Где ты его взяла?

Звон подков на камнях, бряцанье сбруи. Грубый смех за спиной – кто-то отпустил смачную шутку. Ехавший впереди Тинкал обернулся, сердито велел не отставать. Разбойники подстегнули коней, Тагрия последовала их примеру.

Восемь лет молчала, чтобы теперь рассказать все разбойнице? Да. Ну и что? Какая разница, кому?

Слова жгли горло, но стоило им выйти наружу, становилось легче. И как Тагрия не лопнула, держа их в себе?

– Однажды моя семья оказала услугу… брату-принцу. Когда жрецы его обвинили, что он убил старого императора, и он сбежал. Мои родители помогли ему выехать из столицы.

– И не побоялись жрецов? – усомнилась Исара. – Он что, так хорошо заплатил?

Губы сами скривились в усмешку:

– Они очень боялись жрецов. А заплатил да, хорошо.

Брат-принц, приемный сын императора Атуана и его мнимый убийца, недолго уговаривал родителей двухлетней Тагрии. Он просто-напросто приставил нож к ее горлу и пообещал убить, если ему не помогут. Но этого она Исаре не расскажет.

– Ты знаешь, что колдуны воровали детей перед Нашествием?

Исара пожала плечами:

– Про них чего только не говорят.

– Это правда. Меня украли, когда мне было двенадцать. Притащили в свою Долину и заколдовали, – у Тагрии заныли плечи там, где их поранили когти грифона. – Не знаю, может, сделали бы рабыней или убили бы, чтобы получить кровь.

Говорят, детская память ненадежна. Врут. Тагрия продолжила очень тихо – Исара наклонилась к ней, чтобы не упустить ни слова:

– Карий тогда еще не вернулся к императору. Он меня узнал. Расколдовал и увез домой. На своем грифоне. Вот и все.

И правда – все. Впервые за много лет назвала его по имени, и ничего не случилось, только внутри стало пусто. Зачем, зачем она выкинула перстень?!

Исара молчала, то ли удивленно, то ли с недоверием, Тагрии не хотелось присматриваться.

– А потом?

Тагрия пожала плечами.

– Больше ничего.

– Но ты сказала, он тебя учил.

– Он не учил. Я расспрашивала, а он отвечал. Тогда, по дороге. И я запоминала. А потом…

– Стала тренироваться?

– Да.

– И получилось?

Тагрия кивнула.

Исара задумчиво протянула:

– Я бы сказала, что ты врешь… Но ты не врешь. Странно.

Солнце теперь припекало совсем по-летнему. Дорога вынырнула из леса, и сразу стало жарко. Тагрия сняла плащи с себя и Бетарана, свернув, засунула в одну из седельных сумок. Впереди показались вспаханные поля.

– Я слышала, – заговорила Исара, – что брат-принц не такой сильный колдун, как остальные. Он же полукровка, вроде нас.

– Его отец настоящий маг, а мать… ну, ты знаешь.

Разбойница задумчиво кивнула. Мало кто в Империи не слышал, что дама Истрия была шлюхой, прежде чем стала императорской кормилицей.

– Еще мне говорили, что он не может по-настоящему колдовать, потому что не пьет кровь истинных людей, как другие колдуны.

– Не знаю, кто тебе такое сказал. Маги не пьют кровь, а… Что-то такое с ней делают, отчего из нее в них переходит Сила.

– А брат-принц?

– Когда я его знала, он тоже так делал.

– Сейчас, наверно, нет, раз он служит императору, – повернув голову, Исара глянула с интересом: – А ты в него влюблена?

– Я? Нет!

Сильно щипало в горле. Подковы били как будто по голове. Тагрия выкрикнула:

– Не знаю!

– Влюблена, – довольно улыбнулась Исара. – Думаешь, он расколдует твоего брата?

– Где я его найду? И вообще, я его восемь лет не видела. Какое ему до меня дело?! – и, не в силах продолжать мучительный этот разговор, Тагрия спросила: – Куда мы едем?

Исара пожала плечами.

– Пока в Ферр, посмотрим, что там. Мы, видишь ли, еще не решили. Тинкал ищет… кое-что, а я еще не знаю. Хочу подальше отсюда. Всю неделю одни полудохлики кругом, тошнит прямо, не могу!

Тагрия кивнула. Она и сама уже почти радовалась разбойникам, их живым лицам и голосам, смеху, даже запаху мужских тел и конского пота. Все лучше одиночества и мертвенной пустоты вокруг.

Как будто услышав свое имя, Тинкал обернулся и позвал Исару. Та пришпорила коня, и Тагрия осталась одна со своей разбуженной памятью, заколдованным братом и разбойниками за спиной.

За полями оказалась деревня, чуть дальше, отделенная неширокой речкой – еще одна. Падавшая с плотины вода вращала колесо мельницы. Громко лаяли собаки. Тагрия не чувствовала заклятия, не ощутили его и Тинкал с Исарой, но люди в обеих деревнях были погружены все в тот же полусон.

– Жрецы уже все подчистили, – высказал общее мнение Тинкал.

Разбойники быстро обшарили несколько домов, ища припасы. Тагрия не осуждала их, она и сама за время пути несколько раз делала то же. Хотелось верить, что хозяева – полудохлики, как называли их разбойники, пережили этот налет. Если в деревне жрецы, значит, никто здесь не умрет от голода. Хотя бы за это истинные люди должны быть благодарны жрецам, ведь без них все, кого коснулся магический серый туман, давно умерли бы. Неясно, правда, чем лучше смерти такая жизнь?

Надеждой, решила Тагрия, с облегчением покидая деревню. Тинкал велел ехать быстро и не шуметь – видно, боялся встретить жрецов. Предавать суду разбойников, как и преследовать колдунов, стало обязанностью Божьих Стражей вскоре после начала Нашествия. Тинкал с Исарой были и тем и другим. И, конечно же, дюжине разбойников нечего было и думать состязаться с отрядом вроде тех, что видела по дороге Тагрия.

Лагерь разбили на закате, в живописном местечке под холмом, с вершины которого несся бурный ручей. Нагромождение камней заставляло его срываться маленьким водопадом, поднимая разноцветную вуаль брызг и орошая корни величественных вязов.

Ковры в замке барона Дилосского, не говоря уж о его перинах, были куда мягче юной зелени, устилавшей землю, но Тагрия не смогла припомнить, чтобы опускалась на перины с такой радостью, как упала в этот раз на траву.

Правда, сначала ей пришлось обслужить Бетарана – под насмешливыми взглядами разбойников это оказалось не так-то просто. Две-три шуточки она пропустила мимо ушей, но когда парень в рваных штанах и кружевном камзоле, тот самый, что потихоньку делал знаки

против колдовства, предложил утопить «полудохлика» в ручье – мол, забот меньше, – Тагрия рассвирепела.

– Эй ты, иди сюда, – сказала она повелительным голосом баронессы. – Будешь помогать.

Парень растерянно оглянулся на своих захохотавших товарищей, на Исару – та молча наблюдала, сложив руки на груди, – и подошел.

– Держи вот так, – сказала Тагрия.

Молодой разбойник придерживал Бетарана за плечи, пока Тагрия умывала его в ручье, затем помог усадить под деревом, а когда Тагрия стащила с брата сапоги, чтобы просушить ноги, сунул ему кусок хлеба и окорок.

– Ешь, Бет, – велела Тагрия.

Бетаран послушно принялся жевать.

– У вас… неплохо с ним выходит, – заметил присмиревший парень.

Тагрия вздохнула.

– Деваться некуда, вот и выходит. Как тебя зовут?

Кончики ушей, забавно торчавшие из его соломенных кудрей, покраснели.

– Косорукий… госпожа.

– Ого, – сказала Тагрия. – А нормальное имя у тебя есть?

– Динарик, госпожа. Но все зовут меня Косоруким.

– Понятно. Спасибо за помощь, Динарик. И я не госпожа. Я, вообще-то, баронесса, но теперь это уже совсем ничего не значит.

– Да уж, – согласилась подошедшая Исара.

Закончив с Бетараном, Тагрия просто свалилась на траву. Исара уселась напротив, подстелив покрывало в ярких сине-красных узорах. Динарик незаметно исчез. Вокруг с противным звоном вились комары, но Тагрия уже привыкла не обращать на них внимания.

Хорошо прокопченный окорок, овечий сыр, пиво – все припасы из последней деревни, и, надо сказать, разбойники даже не думали морить пленников голодом. Тагрия с трудом доживала свою долю.

От усталости не было сил даже бояться. Она никогда еще не ездила так – целый день почти без отдыха, да таким резвым аллюром. Хотелось лечь и не вставать долго-долго. И пусть над головой кружат комары и грифоны, а вокруг пересмеиваются бродяги, воры и убийцы, лишь бы только не мешали спать.

Сами же воры и убийцы как будто и не устали вовсе. Они быстренько разделили обязанности: трое занялись лошадьми, двое распределили припасы, еще трое вместе с Тинкалом широким кругом обошли вокруг лагеря и вернулись, не найдя ничего подозрительного. Теперь все дружно заканчивали ужин. Слышались разговоры и шутки, по большей части грубые, смех. Молчала только Исара.

Тагрия подняла глаза, когда ощутила на себе ее взгляд.

Разбойница смотрела довольно дружелюбно.

– Ты почувствуешь, если появятся жрецы? – спросила она.

– Если постараюсь.

– Постарайся.

– Как скажешь, – коротко согласилась Тагрия.

Исара кивнула:

– Кажется, ты поспособнее меня в этих делах. Интересно…

Тут раздался голос Тинкала, отчитывавшего кого-то из своих людей, и Исара замолчала.

– Ты думаешь, Ферр остался… нормальным? – спросила Тагрия.

– Надеюсь, – ответила Исара, откидываясь на покрывале. – Эта дрянь тянется от самой Салианы. Где-то ей должен быть конец.

– Раньше ведь такого не случалось?

– Я не слыхала. А ты?

Тагрия покачала головой.

– Мне иногда кажется, что так теперь везде, – призналась она. – Исара, почему ваши люди не под заклятием? Магии в них нет, я вижу.

«А в тебе ее слишком мало, чтобы заклятие снять».

– Откуда бы? – фыркнула разбойница. – Я и не знала, что вы тоже можете колдовать. Арес… Аресий говорил, это передается с кровью.

– Карий тоже так говорил, – теперь его имя выскользнуло легко, остался лишь горьковатый привкус на губах. – Я просто очень хотела научиться, хоть немножко. Так хотела, что научилась. А кто этот Аресий?

Исара оглянулась. Тинкал распределял ночные дежурства, его почти не было видно за спинами других мужчин.

– Он научил нас всему, – негромко сказала Исара, – меня, Тинкала и Ургата. Это была его тайная школа колдунов, так он называл. Раньше, еще до Нашествия, он хотел собрать всех, кто остался, в ком есть наша кровь.

– И получилось?

Исара помотала головой.

– Не получилось. Жрецы, чтоб им совсем запаршиветь! Они убили восьмерых учеников, сожгли. Аресия тоже собирались, только не успели. Сперва вышел этот эдикт, что мы все теперь подданные, а потом жрецы про все забыли из-за Нашествия, а Аресий сбежал с одним учеником. С Ургатом. Сперва они прятались, боялись, потом начали все снова. Нашли меня – вовремя, кстати, я бы сейчас с тут тобой не болтала. А через год Тинкала.

– Школа колдунов, – повторила Тагрия. – Жрецы этого не допустят, ни за что. Хоть вы и подданные, а за колдовство все равно будут казнить. Так мне объяснил жрец.

– А ты думаешь, мы просто так от них прячемся?

Исара поднялась, ушла под деревья, где были в кучу свалены вещи. Вернулась с пузатой серебряной фляжкой тонкой работы – хранить в такой что-то, кроме самого лучшего вина, было бы настоящим преступлением. Свернувшись клубком на покрывале, Исара с удовольствием глотнула из горлышка. Сказала со вздохом:

– Да и пес с ними, жрецами, все равно нет никакой школы. Остались только мы двое. Ну, может, еще ты…

Согласиться Тагрия не могла никак, потому спросила о другом:

– А что с ним случилось, с вашим учителем? Жрецы?

– Если бы, – скривилась Исара. – Охранники одного купца.

– Значит, вы занимались магией и попутно разбоем, да?

– Ну да, – пожала плечами Исара.

– Тогда понятно. Какая разница, сожгут вас за колдовство или повесят за разбой?

– Никакой, само собой. Хочешь?

Подумав, Тагрия взяла предложенную флягу. Вино оказалось сладким и очень густым, оно перекатывалось во рту, как медовый шарик. Исара вдруг хитро улыбнулась – было немного странно видеть, как быстро меняется ее настроение.

– Я тут кое-что придумала, – шепотом сказала она. – Ты мне поможешь, если… Молчи пока!

Она забрала фляжку и принялась пить маленькими глотками, то хмурясь, то улыбаясь своим мыслям. Подошел Тинкал, постоял, разглядывая заснувшего Бетарана. Хмыкнул.

– Ты, колдунья. Если кто будет близко, почуешь?

Тагрия подняла голову.

– Кого ты боишься? Жрецов или настоящих колдунов?

Было слышно, как он злобно втянул воздух.

– Не твое дело, чего я боюсь. Мне надо знать, кто есть близко, и ты мне в этом поможешь. А нет, я перережу этому твоему полудохлику глотку, а тебя… поняла, да?

От его первоначальной вежливости не осталось и следа. Тагрия кивнула, гадая, чем же она так разозлила главаря разбойников. Исара молчала.

– Мои люди сторожат всю ночь, – продолжил Тинкал. – Их дело – мечи, а всякие странности по нашей части. Я караулю первым, потом разбужу Исару, а она – тебя. И не выдумывай ничего, мои люди за тобой присмотрят.

Он развернулся и ушел. Исара посмотрела вслед.

– Он не просто так бесится. Что-то близко, дерьмовое что-то. Тинкал чувствует и я, а где, понять не можем. А ты? Чувствуешь что-нибудь?

– Над каждой деревней остатки заклятия, люди будто вымерли, на дорогах пусто, а меня грозят убить два полумага с шайкой разбойников. Что еще плохого я могу чувствовать?

Исара подтянулась на локтях так, что ее длинное лицо оказалось у самого плеча Тагрии. На мочках ушей разбойницы покачивались тонкие золотые ниточки – серьги.

– А ты не злись, – прошептала она. – Увидишь еще, Тинкал не все тут решает.

– Удивляюсь, что остальные вас слушают, – так же шепотом сказала Тагрия. – И не боятся проклятия?

– Эти-то висельники? Плюнь.

Тагрия встревоженно замолчала.

Бетаран похрапывал, привалившись к широкому стволу. Свободные от дежурств разбойники укладывались вокруг, кто расстелив меховой спальный мешок, кто попросту завернувшись в плащ. Часовые растворились в полумраке. Тагрия не видела их, но чувствовала – настороженные тени меж темных стволов. Ночного побега не получилось бы. Но она и не собиралась убегать – куда? И зачем? Тинкал отвратителен, как гнусная насмешка над памятью о другом маге-полукровке, но покуда он держит путь в ту же сторону, лучше ехать с ним, чем прятаться от него.

Интересно, что понадобилось ему в Ферре, большом городе с кучей жрецов, где за темные волосы колдуна запросто можно угодить на площадь в качестве недолгого развлечения толпы. Недолгого – до последней головешки в страшном костре, служащем, по словам жрецов, земным примером вечного пламени, что ждет после смерти всех колдунов.

Восемь лет назад Тинкал не посмел бы и близко подойти к Ферру. Такие, как он, жили только на окраинах Империи, но и там им приходилось скрываться, и терпеть преследования, и часто заканчивать свою жизнь на кострах. Священный закон Храма не знал милосердия к проклятому роду колдунов.

Теперь все иначе.

Многое изменилось в Империи с началом Нашествия. Вернулся из долгого изгнания названый брат его императорского величества, принц Карий. Его матерью была кормилица императора Эриана, а отцом – правитель древнего народа магов, что скрывались в северных горах в ожидании часа, когда смогут вернуть былую власть и отомстить народу истинных людей.

О том всякое болтали, но Тагрия знала наверняка: не выступи Карий против отца, Нашествие было бы коротким и победоносным. Пал бы от руки молочного брата император Эриан, брат-принц по закону взошел бы на престол – и сложил Империю к ногам подоспевших магов.

Память незаметно вернулась на восемь лет назад, к такому же теплому весеннему вечеру. Отблески костра высветили мрачное лицо мужчины: глаза цвета безлунной ночи, короткие

черные волосы, упрямые скулы. Нос, лоб и подбородок словно вытесаны из камня торопливым скульптором, которому недосуг заботиться о плавности черт. Тагрии этот мужчина казался то грустным, то злым, то смертельно опасным – для всех, конечно же, кроме нее. Лишь много позже она поняла, какой мучительный выбор скрывался за его хмурой злостью. И сколь многим он рисковал, спасая ее, чужую девчонку, которую сам когда-то едва не убил.

Очень скоро Карий вернулся на службу к императору. Старые обвинения были сняты. Нашлись истинные виновники смерти императора Атуана, хотя злые языки по всей Империи долго еще перемывали косточки и принцу, и его величеству и – шепотом – Верховному жрецу, грозному старику, внушавшему ужас даже самым отчаянным.

Нашествие магов превратилось в долгую и почти безнадежную борьбу. Магическая Сила Кария и священные умения жрецов соединились во благо Империи – случай неслыханный и даже невозможный.

Тогда же император Эриан издал эдикт, в котором провозгласил живущих в Империи потомков колдунов своими подданными, имеющими те же права, что истинные люди.

Впрочем, как объяснил Тагрии в ответ на ее осторожный вопрос замковый жрец, это не значит, что они могут заниматься колдовством. За колдовство наказание по-прежнему одно: смерть.

«А брат-принц?» – набравшись смелости, спросила Тагрия.

Жрец скривился, как будто запихал в рот целый лимон, и вспомнил о каких-то срочных делах.

Лагерь стих. Исара принесла из кучи вещей удобный спальный мешок и устроилась неподалеку. Тагрия привычно уложила брата рядом с собой, накрыла обоих пропыленным плащом. Шумел водопад, изредка перекликались часовые. В отдалении раздавалось уханье совы. К страху за Бетарана, к злости на мерзкое положение пленницы примешивалась какая-то виноватая радость: вокруг храпели, ворочались, бормотали во сне ругательства, с оружием в руках вглядывались в темноту живые люди.

«Гадостно живые, – поправила себя Тагрия. – Висельники, грабители и бог знает кто еще. А, пусть. Все равно хорошо».

Исара потрясла ее за плечо, когда на востоке чуть заалел край неба – как будто за холмами развели гигантский костер. Тагрия села, протирая глаза.

– Тебе стеречь, помнишь? – прошептала Исара. – Просыпайся давай.

Тагрия кивнула.

– Мне показалось… – Исара зябко обняла себя за плечи, – показалось… А может, нет. Как будто кто-то был над нами, высоко. Как большие птицы. Или грифоны.

Сон исчез в одно мгновение. Тагрия резко вдохнула.

– Они нас увидели? – вместо шепота у нее получился вскрик. Исара досадливо огляну-лась.

– Кажется, нет. Я только вся замерзла, там, внутри. Это было… – она помолчала, словно не могла подобрать слов. – Огромное. Страшное. Не знаю. Я боюсь.

– Ты сказала Тинкалу?

– Нет, и ты не смей говорить. Может, мне все показалось.

– Тебе не показалось, Исара. Я тоже видела одного, вчера ночью. А перед этим видела убитых жрецов, целый отряд. Их… растерзали, – от воспоминания Тагрию затошнило. Она укутала Бетарана плащом и нехотя добавила: – Наверное, надо сказать Тинкалу.

– Нет! Ничего ты ему не скажешь, ясно? Он придурок, и холера с ним, я не собираюсь из-за него туда лезть. Пусть один идет, не держу! С меня хватит. Я решила, я боюсь, и у теперь меня есть ты. Это будет получше, чем…

Она говорила все громче, размахивала руками, и Тагрия решилась перебить ее:

– Исара, о чем ты говоришь?

Разбойница опомнилась. Зажала рот ладонью.

– Потом. Не здесь. Знай – я помогу тебе, а ты мне.

– Помогу в чем? Поможешь в чем?

– Избавиться от этих придурков, само собой! Все, я пошла спать. Если что, буди меня, а не его, поняла?

Тагрия пожала плечами. Легко сказать, ведь это Тинкал обещал перерезать горло Бетарану. Залезая в спальный мешок, Исара показала ей кулак. Тагрия притворилась, что не заметила.

Перед рассветом похолодало, воздух стал влажным. Комары куда-то исчезли. Тагрия обошла вокруг лагеря, пытаясь согреться. Заросший бородой до самых глаз кривоватый часовой – настоящий разбойник, не чета Тинкалу, – многозначительно показал ей заряженный арбалет.

– Мне надо в кусты, – сообщила Тагрия. – Пойдешь со мной, чтобы я не сбежала?

Разбойник ухмыльнулся, показав жуткий рот с единственным торчащим зубом, и ткнул в противоположную от лошадей сторону:

– Иди туда.

– Но там нет кустов.

Еще одна жуткая ухмылка. Тагрия пожала плечами:

– Ну, как скажешь.

Она бродила меж деревьев, сколько хватило вредности, и все ждала, когда бдительный часовой отправится на поиски, но тот не поддался – понял, что его дразнят. Пришлось возвращаться. Разбойник встретил ее насмешливым оскалом. Тагрия с досадой кивнула и прошла к своему месту возле спящего брата.

Исара тихонько сопела в своем мохнатом спальном мешке. Даже ночью она не расставалась с мечом. Интересно, подумалось вдруг, как ей путешествуется с компанией разбойников-мужчин? Их отпугивает страх перед колдовством или Исара все-таки отрубила парочку слишком смелых рук?

Тагрия от всей души пожелала расстаться с шайкой Тинкала прежде, чем такой вопрос встанет перед ней. Можно сколько угодно нахальничать и дразнить вооруженных до зубов головорезов, но от страха все равно подводит живот и стучат коленки. И ведь никто не спасет, разве что Исара, да и та – только если окажется в хорошем настроении.

Не прошло и двух часов, как Тинкал громко объявил подъем. Разбойники зашумели, потягиваясь и сворачивая постели. Некоторые вслед за Исарой отправились к ручью, другие заменили умывание глотком из фляжки и бодрым утренним сквернословием.

Тагрия разбудила Бетарана. К ее удивлению, рядом тут же очутился Динарик. Мешанина его кудрей напоминала больше птичье гнездо, нежели человеческую прическу, а уши оттопырились больше вчерашнего, хотя казалось, больше и некуда. Но улыбка изображала полную готовность помочь, и Тагрия не стала придираться. Она не собиралась заводить среди разбойников кавалера, он завелся сам, так пусть будет полезен.

А может быть, даже и полезней Исариных туманных замыслов? Тагрия заговорщицки улыбнулась парню.

Когда Бетаран, умытый и причесанный, оказался устроен под деревом с остатком вчерашнего окорока, она спросила:

– А ты уже умывался?

– Н-нет, – удивленно ответил Динарик.

– Ага. Давай так: последи за моим братом, пока я схожу умоюсь, а потом я за ним послежу, а ты умоешься. Ну и, наверно, мы еще успеем поесть?

– Успеем, – подтвердил Динарик, отыскивая взглядом своего предводителя. – Эти опять грызутся.

Тагрия оглянулась. Тинкал с Исарой поднялись выше по ручью, так что шум водопада перекрывал их голоса, зато сердитые лица были видны всем. Тинкал хмурился и резко что-то выговаривал. Исара мотала головой и взмахивала руками. Оба так увлеклись спором, что забыли, казалось, обо всем. Тагрия вспомнила, как однажды уже попробовала на них магию, и не решилась подслушивать.

– Ну и пусть, – сказала она Динарику, – я пошла умываться.

Они дружно уплетали хлеб и сыр, запивая все это деревенским пивом, когда вернулась Исара. Динарик под ее взглядом съежился и поспешил убраться. Исара сердито бухнулась на освободившееся место.

– А ты зря время не теряешь, – недовольно сказала она. – Думаешь, от него будет прок? Это же Косорукий. То попадется стражникам, и выручай его потом, то девку в деревне подцепит и к нам притащит, то еще что учудит – одни проблемы. Не связывайся с ним.

– А по-моему, он тут лучше всех, – ответила Тагрия. Не хотелось давать парня в обиду, когда он так старался понравиться. – Он мне помог с братом и вообще…

Что «вообще», Тагрия так и не придумала. Исара отмахнулась, ее заботило другое. Тинкал расхаживал с флягой в одной руке и куском окорока в другой, отдавая приказы. Тагрия поймала его недовольный взгляд.

– Что-то случилось?

Исара дернула плечом.

– Придурок.

Тагрия вопросительно приподняла брови. Исара вздохнула.

– Я сказала про грифонов. Он говорит, надо было их позвать.

– Зачем?!

– Говорю же, придурок! Вбил себе в голову, что нас там ждут. Вроде как ему сказали, что колдуны зовут к себе всех, кто их крови, чтоб научиться колдовать и вернуть себе Империю. Вот мы сюда и приперлись их искать. Придурки.

– И правда, придурки, – согласилась Тагрия. – Вас убьют.

– Ну а я о чем?

– Карий говорил, полукровок всегда убивают. Он единственный, кого оставили живым.

– Да я-то поняла уже! А он пусть катится, – Исара фыркнула и принялась вертеть серебряную брошь, скреплявшую на плече ее плащ. – Вот дерьмо. Дерьмо!

– А ты не хочешь, чтобы он был придурком, да?

Исара сердито прихлопнула комара на плече и снова дернула брошь.

– Мне на него плевать. Просто он все, что осталось от Аресия. От его школы, я и Тинкал, больше ничего. А я…

Тагрии припомнился вчерашний разговор, неожиданный Исарин вопрос. Кое-что сделалось понятным.

– А ты была в него влюблена.

Разбойница глянула искоса:

– Отомстила?

Обе улыбнулись, как женщины, связанные общей тайной. Тагрия приободрилась.

– Расскажи, что ты задумала, – попросила она.

Тинкал был слишком далеко, чтобы услышать, остальные и вовсе не подходили – наверно, побаивались Исариного дурного настроения. Можно было говорить свободно.

– Да нечего рассказывать. Я решила, кто может сделать школу, научить нас всех колдовству, как Аресий хотел. И ты сама знаешь, кто может расколдовать твоего брата. Я помогу тебе до него добраться, сбежать от наших, доехать до столицы. Вместе же легче, и о брате твоем заботиться, правда? А ты поможешь мне его уговорить.

Это было так неожиданно, что Тагрия не сразу поняла, о ком речь. Сообразив, попросту онемела. Исара заговорила быстро:

– И давай не ври, что не хочешь снова его увидеть, уж я-то знаю! Все равно никто больше твоему брату не поможет, так что придется тебе согласиться! Соглашайся, Тагрия, ну! Слышишь!

– Подожди, подожди! – Тагрия еле удержалась, чтобы тоже не замахать руками. – С чего ты взяла… Подожди. Он не согласится! И жрецы бы все равно не позволили. И вообще, у нас Нашествие, забыла? Посмотри вокруг!

Исара почти зашипела:

– Что ему жрецы, Тагрия! Он принц! Императорский наследник! Он их всех, если захочет… – она изобразила, будто скручивает и ломает что-то. – А Нашествие – так даже лучше. Разве им не нужны помощники против колдунов? Только помоги мне, Тагрия! Слышишь?!

Ее глаза горели – Тагрия уже видела однажды этот безумный блеск. Давным-давно, когда некий высокородный колдун объяснял ей, двенадцатилетней перепуганной девчонке, что такое Сила.

Наверное, это как болезнь. И Тагрия, если по правде, тоже нездорова.

– Он не согласится.

– Откуда тебе знать?!

– Исара… если что, я тебя предупреждала.

Разбойница схватила ее за руку.

– Значит, согласна?

– Да! Но с Тинкалом сама будешь разбираться. И не дергайся так, он на тебя смотрит.

– Плевать на него! – прорычала Исара, но выпрямилась и принялась с равнодушным видом жевать сыр.

Если Тинкал и пытался подслушать их с помощью магии, Тагрия была уверена – у него ничего не получилось.

Ширина дороги позволяла двигаться по четверо в ряд, но вышло так, что возле Тагрии остался один Бетаран. Исара все утро ехала с Тинкалом, не то усыпляя его бдительность, не то надеясь переубедить. Тагрия могла без помех обдумывать дерзкий план, с которым так неожиданно согласилась, и гадать, до помутнения в глазах, чем все закончится для нее и для Бетарана.

Ведь, конечно же, согласилась она только ради брата. Увидеть его живым и веселым, забыть кошмары последней недели – ради этого можно сотворить любую глупость! Даже явиться к императорскому дворцу в сопровождении шальной разбойницы-колдуньи и потребовать аудиенции у его высочества.

Прогонят, скорее всего. Но… вдруг нет? Неужели она, Тагрия, трусливей Исары?

Рядом сонно покачивался в седле Бетаран. Позади и впереди скакали разбойники. Солнце жарило от души, как будто всего за неделю Тагрия приехала из весны в лето. Дорога то ныряла в лес, где в сладостной прохладе заливались соловьи, то бежала, изгибаясь, в зелени пространных лугов. Над землей носились, кувыркаясь будто в танце, хохлатые чибисы. Их тем-

ные крылья отблескивали на солнце зеленым, красным, синим – ни дать ни взять рыцарские плащи.

Магией не пахло. Быть может, заклятые места наконец-то остались позади? Ручьи теперь били из-под каждого валуна и устремлялись, прокладывая путь в траве, к Ферру. Оттуда, если только заклятие не тронуло древний прекрасный город, до столицы можно будет добраться по реке. Исара, уж конечно, не пустится в путь без денег. Что может быть проще: купить три места на корабле, не трястись в седле еще добрых три недели, а насладиться водным путешествием, и корабельной кухней, и обществом обычных людей.

И скоро, очень скоро, быть в столице, и набраться смелости, и, и…

Хриплый смех за спиной вернул Тагрию на землю. Они с братом все еще в плену. Тинкал, который вряд ли хоть что-нибудь делает зря, позволил сохранить им жизнь. Чем трястись, представляя себе встречу с тем, далеким магом-полукровкой, лучше подумать, чего хочет этот.

Не полагаться же, в самом деле, на взбалмошную Исару.

Глава 4. Смертельные раны

– Ты точно знаешь, что настоящие колдуны кровь не пьют?

После короткого привала Тинкал перестал подгонять спутников. Всадники растянулись длинной вереницей. Справа от Тагрии вновь пристроилась Исара. Она сняла шляпу, и ее прямые черные волосы беспорядочно рассыпались по плечам. Ветерок трепал и перепутывал их. Занятая своими мыслями Тагрия рассеянно кивнула:

– Точно.

– А что они с ней делают?

– Карий говорил, берут из нее Силу. Я не видела как… – Тагрия наконец заметила сконфуженное Исарино лицо. – Исара, ты что, пробовала?!

Разбойница кивнула.

– Человеческую? И… что?

– Меня вырвало.

– А… – подумав, Тагрия решила не спрашивать, откуда Исара взяла кровь. – Нет, они ее не пьют! Разве твой учитель тебе не говорил?

– Он думал, что пьют! Он сам пробовал много раз. Думал, есть какой-то секрет, а мы не знаем. Он же по книгам учился, сам!

– По книгам?

– Ну да.

– Нет таких книг, – уверенно сказала Тагрия. – Это грех.

– У жрецов-то есть! Помнишь, когда была война с еретиками? Аресий жил в Тоссе, это на самой границе. Еретики, когда напали, первым делом храм подожгли, они ведь жрецов не меньше нашего ненавидят. Пока его тушили, один ловкач стащил свитки из хранилища.

– Аресий?

– Дерьмо, да нет же! Кто колдуна к храму подпустит? Аресий их потом у него купил, – Исара помолчала и с тоской добавила: – Я по этим книгам читать училась. Только там все непонятно. Там написано «принимают кровь». Мы думали, пьют. Все так думают. Вот дерьмо!

Тагрия не нашла чем ее утешить. Не похоже, чтобы разбойница сожалела о несчастных жертвах – всего лишь о том, что зря напилась крови. Брр…

– А что еще было в этих книгах? Ты помнишь?

– Помню. Про заклятия разные, про силу мысли, про познание какое-то. Только их ведь жрецы писали, не колдуны. Колдунов допрашивали и писали.

– Познание и Воздействие, – прошептала Тагрия.

– Что?

– Ничего. Тинкал все еще собирается искать магов?

Исара кивнула. Шум, издаваемый дюжиной всадников, надежно скрывал их негромкий разговор.

– Ферр – большой город, наши застрянут там, пока деньги не кончатся, так всегда бывает. Тинкал хочет сразу уйти вместе со мной и с тобой.

– Зачем ему я?

– Ну, как же. Ты лучше всех почуешь колдунов!

Чудесно, лучше и не придумаешь. Тагрия с досадой прикусила губу.

– С чего вы взяли, что я смогу?

– Ты же видишь нас изнутри, а мы тебя не можем, значит, ты сильнее. Не так? – Исара хитро улыбнулась. – А ты не вешай нос. До города больше сорока миль, за день не поспеем. Мы с тобой удерем сегодня ночью.

– Так просто? Уговоришь Тинкала не ставить часовых или подсыплешь им в пиво сонных трав?

– А ты не можешь их усыпить? – с надеждой спросила Исара.

– Нет, – сказала Тагрия. – Это же Воздействие, понимаешь? Высокая магия.

Сказала – и всей душой ощутила Исарино голодное любопытство. Разбойница дернула поводья так, что лошади сошлись почти вплотную.

– Высокая? Воздействие? Объясни!

– Да я сама почти ничего не знаю! Ну… Есть магия, это Познание. То, что мы с тобой немножко умеем. Только по правде все сложнее. Еще есть высокая магия, это Воздействие. Для нее уже кровь нужна, кажется. И потом еще высшая магия, про нее Карий почти не говорил…

Исара помолчала. Ее дыхание было тяжелым, как при быстром беге. Потом встрепенулась – волосы разлетелись вокруг головы.

– Плевать на часовых. Если надо, перережу их дерьмовые глотки. Я еду учиться колдовству у брата-принца, пусть только попробуют мне помешать!

– Только вот мы не знаем, согласится ли он.

Теперь Исарина улыбка сделалась хищной:

– Уговоришь. Как хочешь, уговоришь, хоть плачь, хоть умоляй, хоть спи с ним. А не то я тебя убью, так и знай!

Тагрия сказала бы ей – что не собирается спать с братом-принцем и вообще помогать этой нахальной разбойнице. Пусть сама гоняется за своей глупой мечтой, а если ей так нравится убивать, может начинать прямо сейчас.

Но тревога, что давно зрела в душе, вдруг ударила острой догадкой, и Тагрия выдохнула:

– Жрецы!

Далеко впереди Тинкал резко натянул поводья. Он тоже почувствовал.

– Близко? – спросила Исара.

– Да!

– Дерьмо! Что ж ты раньше молчала?!

– Ты меня отвлекла! – воскликнула Тагрия, но разбойница уже скакала к Тинкалу.

Отступать было поздно: передовые всадники патруля показались на вершине холма, еще немного – и они увидят растянувшийся вдоль пологого склона отряд. Тинкал быстро выкрикнул несколько слов, и потянувшиеся было к оружию руки остановились. Пока еще оставалась надежда сойти за обычных путников. Разбойники сблизились так, что смуглокожие главари остались в середине, почти незаметные за спинами – видно было, что выполнять такой маневр им не впервой. Исара надела шляпу и скромно опустила голову. Тагрия очутилась в хвосте отряда, рядом с ней Бетаран и двое разбойников за спиной.

Двум отрядам не разъехаться на узкой дороге; благодарные подданные Империи, конечно же, посторонятся и пропустят ее священных защитников. Все тем же плотным строем разбойники съехали в траву. Тагрия привстала на стременах, чтобы лучше видеть.

Жрецы приближались. Ярко алели в солнечных лучах сутаны предводителей. Их спутники в легких кольчугах и шлемах, со значками Храма на плечах, имели вид ну просто донельзя воинственный. А ведь как, наверное, жарко во всем этом железе!

«Я могу закричать. Позвать их на помощь, сказать, что это разбойники, а меня держат в плену и хотят убить. А еще здесь два колдуна… Которых положено казнить, да?»

Прозвучало негромкое приветствие, кто-то из жрецов ответил. Казалось, все обойдется. Две кавалькады медленно разъезжались. Тагрия уже чувствовала, как расслабились напряженные Исарины плечи, когда услышала возглас:

– Стой! Это же тот самый!

Мгновение потребовалась жрецам, чтобы развернуться, и через мгновение две дюжины арбалетов нацелились на замерший отряд Тинкала. Передний ряд жрецов так же быстро ощетинился мечами – этакая колючая гусеница, спешащая зажать добычу в кольцо. Разбойники хватались за мечи не так слаженно.

Быстро подъехал один из предводителей-жрецов.

– Кто? – спросил он, не прикасаясь к оружию.

Поднявший тревогу воин вытянул руку.

– Этот, брат Андиар. Тот самый убийца из Керка, которого отбили под самой виселицей. И, видно, вся его шайка.

Убийца, на которого указал жрец, потянул поводья. Его конь попятился, толкнув лошадь Бетарана. Убийца оглянулся. Растрепанные кудри, полыхающие кончики ушей – Динарик.

Тагрия на миг встретилась с ним глазами и тут же услышала новое:

– Эй, а те что, колдуны?

Конь Динарика поднялся на дыбы, разворачиваясь, и устремился к лесу.

Резко хлопнула спущенная тетива, в спину убегавшего разбойника, под левую лопатку, вонзилась короткая толстая стрела.

В следующий миг все смешалось: Тагрия слышала крики и хлопки, звон мечей и ржание, но видела только серый пергамент оперения и ярко-красное пятно – оно расплывалось так быстро, что Динарик был уже весь залит кровью, когда уткнулся носом в конскую гриву и замер. Его испуганный конь мчался галопом, не разбирая дороги, а Тагрия почему-то все еще видела стрелу, видела, как безвольное тело свешивается в сторону и наконец падает, запутавшись правой ногой в стремени. Динарик ударился головой о землю, потом еще и еще – при каждом прыжке коня обезображенное лицо молодого разбойника подлетало и опускалось вниз, как будто исполняло какой-то отвратительный танец.

Тагрия обнаружила, что кричит, отчаянно, изо всех сил. Затем – что ее конь вскачь несется к лесу, что повод его сжимает в кулаке Исара, а рядом едет, чудом не вываливаясь из седла, Бетаран.

Мимо просвистела стрела.

– Очнись же, дура проклятая! – долетело с ветром.

– Я очнулась, пусти! – крикнула Тагрия в ответ и схватила поводья.

– Не отставай!

Исара вонзила шпоры и пригнулась к шее коня. Тагрия со всхлипом глотнула воздух. Бетаран! Что, если его, как Динарика?!

Выхватив хлыст, она обернулась и что было силы вытянула им кобылу брата, затем своего коня.

– Держись, Бет! Крепко держись!

По лицу текли слезы – от ветра, от страха, от горя. Вороной Динарика наконец-то замедлил шаг и свернул в сторону. Его страшная ноша в последний раз попалась Тагрии на глаза.

Исара скакала впереди. Она потеряла шляпу, и черные волосы развевались, как живые. Бетаран неподвижно глядел вперед, но в седле держался крепко и даже ухитрялся привставать на стременах в такт бегу.

– Быстрей! – закричала, обернувшись, Исара.

Кто-то скакал вслед, крича и ругаясь. Жрецы? Разбойники? Тагрия не могла ни оглянуться, ни использовать магию. Все мелькало перед глазами – прижатые конские уши, серая грива, земля под копытами, темная стена деревьев впереди. До нее чуть больше полумили, но разве лес остановит погоню?

Опять замелькали стрелы. Тагрия каждый миг ждала удара, что отправит ее или брата на встречу с Динариком. Но подстрелили ту, за кого она забыла бояться.

Исарин крик перебил все прочие звуки, потом захлебнулся и стих. Тагрия вскинула голову как раз вовремя, чтобы увидеть, как в тело разбойницы входит вторая стрела. И тут закричал Бетаран.

Только одно могло вернуть ему голос – боль, такая сильная, что туман заклятия не смог ее заглушить. Тагрия почувствовала ее как свою: резкий удар в предплечье, от которого левую руку как будто охватил огонь.

«Держись, Бет, держись, пожалуйста!»

Остался в стороне взмыленный Исарин конь с опустевшим седлом. Тагрия и раненый, опять утонувший в колдовском тумане Бетаран ворвались под своды леса.

Здесь волей-неволей пришлось сбавить ход. Копыта вязли во влажной, покрытой прошлогодней листвой земле. С каждым шагом становилось темнее. Треск ломавшихся веток мешался с тяжелым дыханием и стуком сердца, забивал сознание – Тагрия не слышала погони, не знала, есть ли кто за спиной, не могла даже и думать об этом. Она будто поглупела от всего, что обрушилось так внезапно. Динарик, Исара, сумасшедшая эта скачка…

Болели стертые о лошадиные бока ноги, болела левая рука, там, где у Бетарана сочилась из-под толстого древка кровь. Деревья перед глазами колебались, как в дыму. Нельзя останавливаться, нельзя падать в обморок, нельзя плакать. Тагрия не помнила только, почему нельзя.

Толстая ветвь промелькнула перед лицом, чуть не выбила из седла. Тагрия едва успела отклониться. Ветка скребнула по волосам. Под копытами что-то хрустнуло, и Тагрия вдруг пришла в себя.

Выпрямив спину, огляделась.

Густые кроны деревьев совсем заслонили небо. Солнечный свет проникал сквозь них редкими полосами. Тропы не было и в помине. Лошади сами выбирали путь в зарослях, меж толстых, местами покрытых мхом стволов и частого подлеска. Погони не было. Если кто и последовал за беглецами в лес, то давно отстал.

Бетаран был жив. Он странно, перекосившись набок, держался в седле и все ниже опускал голову. Левый рукав пропитался кровью.

– Я и правда дура, – всхлипнула Тагрия, останавливая лошадей и прыгая на землю. – Бет! Прости меня, Бет! Иди сюда скорей!

Его пришлось буквально стаскивать с седла. Тагрия с трудом устояла на ногах, но все же сумела уложить, а не уронить брата животом на землю. Вытащила кинжал. Самый, по общему мнению, подходящий для дамы, с коротким, в полторы ладони, прямым лезвием и красивой золоченой рукояткой, он не годился для защиты, в этом Тагрия уже убедилась. Но разрезать одежду им можно. Камзол, нижняя туника – все промокшее, слипшееся, склизкое от крови. Тагрия тихонько охнула, когда обнажилась рана.

Короткая толстая стрела прошила предплечье насквозь, и вытащить ее оказалось не так-то просто. Хуже всего, что Бетаран даже не стонал, пока Тагрия возилась с его плечом, только дышал тяжело. Лишь когда стрела наконец поддалась – Тагрии пришлось упереться в спину брата ногой, – и вышла с отвратительным хлюпаньем, он негромко вскрикнул.

Кровь хлынула потоком. Тагрия отчаянно вспоминала все, что слышала про раны от стрел, благо тема была одной из любимых за столом в таком далеком сейчас замке Мория. Со слов мужчин все получалось просто: следовало небрежно бросить: «Царапина!» и продолжить славный бой, и лишь потом, на отдыхе, позволить слуге промыть и перевязать рану.

Промыть и перевязать. Тагрия бросилась к лошадям. Обе фляги для воды оказались пустыми. Вспомнилось, что Тинкал приказал трогаться, как раз когда она шла с флягами к ручью. Его недовольный взгляд скользнул по Бетарану, и Тагрия поспешно спрятала фляги, чтобы усадить брата в седло. И теперь ей нечем промыть рану, совершенно нечем! Разве только вино? Из сумки появилась еще одна фляга, полная почти наполовину.

В конце концов Тагрия щедро полила рану вином и натуго перевязала полосками ткани, безжалостно оторванными от нижней юбки. Повязка получилась кривая, да и ткань могла бы быть почище, но пришлось обходиться тем, что есть. Остатки вина Тагрия заставила Бетарана выпить.

Закончив, так и осталась сидеть на земле. Шевелиться не хотелось совершенно. Тагрия вся перепачкалась кровью – руки, платье, даже лицо. На Бетарана страшно было смотреть: бледный как молоко, в грязном разрезанном камзоле, и вдобавок все тот же неподвижный взгляд.

Проклятие на этих жрецов! Зачем, спрашивается, им было гнаться и стрелять?! Подумаешь, какое зло для Империи – две женщины и заколдованный мальчишка!

Ответ пришел сам, хоть Тагрия и не просила его: они гнались, потому что мы убегали.

Захотелось повторить, и погромче, все слышанные от разбойников ругательства. Тагрия так и сделала. Даже дважды. Потом припомнила любимые словечки отца – когда он приходил пьяный и шарил по дому в поисках еды. Напряглась и вспомнила, как ругались посетители трактира много-много лет назад, когда Тагрия была еще совсем девочкой. Торговцы, ремесленники, городская стража – о, у них было много веселых названий для всего на свете, а во дни праздников и ярмарок в трактир собирались сквернословы со всей Империи!

Мама старалась уберечь нежные детские уши, но мамы не стало, отец повадился целыми вечерами сидеть за столом с вином и костями в компании таких же пьяниц, а Тагрия встала за стойку. Там уж никто не мешал ей слушать и запоминать.

Так она сидела и ругалась, а Бетаран смотрел пустыми глазами и слушал. Или не слушал, какая разница?

Если бы она только остановилась! Сдалась бы жрецам, назвала свое имя! Стражам Империи предписано очищать дороги от разбойников, но к баронессе Дилосской они проявили бы все возможное почтение. Какая нелегкая понесла ее вслед за Исарой? Доигралась в колдунью!

Но, ругайся – не ругайся, сидя под деревом помощи не найдешь. Да что там помощи, даже завалящего ручья, чтобы смыть кровь и наполнить фляги! Нужно было двигаться дальше. Точнее, двигаться куда-нибудь, потому что Тагрия совершенно не помнила, в какой стороне дорога в Ферр. Сколько времени лошади шли куда хотели, пока всадники не соображали ничего, что заколдованный, что считавшая себя почти что магом! Смешно сказать – брат лишен рассудка, ранен, а она даже не в силах ему помочь, и еще что-то там о себе мнит! И вправду проклятая дура!

Тагрия чуть не пошла ругаться по второму кругу, но вовремя остановилась. Рывком вскочила, поймала лошадей – те жевали траву и вовсе не мечтали опять нести куда-то своих бестолковых наездников. Осторожно подняла Бетарана. Усадила в седло. Уселась сама, поморщившись: стертые ноги тоже не обрадовались новой поездке.

И снова – ведь ей же не привыкать! – отправилась куда глаза глядят.

Ручей нашелся скоро. Правда, бежал он по дну оврага, так что Тагрии пришлось несколько раз спускаться и карабкаться обратно с полными флягами. Рыхлая земля осыпалась из-под ног.

Наконец Бетаран оказался кое-как вымыт, а усталые лошади напоены. Спустившись в последний раз, Тагрия тщательно смыла с рук и лица засохшую кровь. Вода обжигала холодом, но была удивительно вкусной.

От оврага уводила в чащу тропа, узкая и неровная – едва ли по ней случалось ходить людям. Тагрия решила довериться ей, протоптанной лесными зверями, до тех пор, пока не придумает чего-нибудь получше.

Бетаран оставался так же бледен и слаб. Повязка пропиталась кровью, но больше не мокла. Хотелось надеяться, что это добрый знак.

Тропа вилась меж стволов, огибала корни, выступавшие из земли грубым подобием ног, словно деревья вознамерились сняться с места и отправиться в странствие. Ветки торчали, как узловатые руки, грозя выбросить всадников из седел. Ехать приходилось медленно. Солнечный свет, падавший сквозь ветви, поблек. Тагрия не сразу поняла, что это наступил вечер.

Только одно может быть хуже, чем блуждать в незнакомом лесу: блуждать в незнакомом лесу ночью. Тагрия выбрала место для ночлега, едва начало темнеть. Впрочем, выбрала – это слишком громко сказано, она просто увидела прогалину, неотличимую от множества других, и свернула туда.

Бетаран тяжело повис у нее на руках. Чудо, что он не свалился с седла раньше. Усадив его, Тагрия осторожно размотала повязку.

Рана больше не кровоточила. Теперь ее закрывало что-то похожее на темную корочку. Кожа вокруг покраснела и была горячей на ощупь. Тагрия огляделась, но не нашла ни подорожника, ни тысячелистника, чтобы приложить их. Наверняка сгодилась бы какая-нибудь из растущих здесь трав, но если бы знать, какая!

Промыла рану водой из фляги. Корочка намокла и отошла, из-под нее вытекла светлая жидкость. Остатки юбки пошли на новую повязку, старую же Тагрия прибрала – выстирать и использовать снова.

На дне сумки отыскались сухие остатки хлеба и надоевший уже сыр. Тагрия почти силой накормила Бетарана, сама с трудом проглотила пару кусков.

Перед глазами снова и снова падал лицом вниз Динарик, кричала Исара, только что полная жизни, через пару мгновений – мертвая.

«Не будет никакой школы колдунов. Надеюсь, ты встретила своего Аресия, надеюсь, он тебя не забыл. Надеюсь, Бетаран не умрет из-за тебя и я тоже…»

Исара без колебаний отдала бы за свою мечту чужие жизни и, в конце концов, отдала собственную. Правда, и мечта умерла вместе с ней. Но все же Тагрия не могла осуждать разбойницу, хоть ее нелепое бегство и наделало стольких бед.

До чего же это страшная штука – мечта!

Укладываясь вместе с братом на ночь, Тагрия думала о тех, кто протоптал тропу и кто, возможно, придет полакомиться человечиной еще до утра. Лошади паслись рядом, то и дело вскидывая головы и вглядываясь тревожно в темноту. Где-то совсем близко ухала сова и скрипели, терлись друг о друга ветви. Порой доносился треск, как будто кто-то большой продирался сквозь заросли; тогда лошади еще на пару шагов подходили ближе к людям.

Костер отогнал бы ночных зверей, и валежника вокруг было сколько угодно, но прихватить в путь кремень и кресало баронессе Дилосской почему-то не пришло в голову. Наверное, очень уж торопилась убежать из-под супружеского крова? А потом, разживаясь на разбойничий манер едой и питьем в чужих домах – о чем думала? Эх…

Засыпая, Тагрия крепко сжимала в руках бесполезный свой кинжал.

Проснулась на рассвете, вся мокрая от росы. Бетаран тяжело дышал во сне. Лицо его раскраснелось. Коснувшись его руки, Тагрия охнула: кожа обжигала огнем. Не нужно было много ума, чтобы понять: началось заражение.

Размотала повязку. Рана выглядела плохо. Она вздулась и посинела, выше к плечу и вдоль руки тянулись зловещие красные полоски.

– Не надо, пожалуйста, Бет, – прошептала Тагрия. – Ну, что же мне с тобой делать?

Снова, уже безнадежно, полила водой из фляги, забинтовала грязной тряпкой. Попыталась накормить брата, но он давился и выплевывал, не слушался даже «магического» голоса. Тагрия его понимала, у нее у самой в горле стояла тошнота. В конце концов оба позавтракали чистой и вкусной водой.

Бедняжки лошади нуждались в чистке и хорошей порции овса, но получили только мокрую траву и неласковое: «Ну, вперед!» Трудно сказать, кто выглядел в это утро более несчастным.

Утро между тем разгулялось вовсю. Ему, как и лесу, не было никакого дела до печалей двух бродяг, без приглашения явившихся в чужой дом и теперь беспомощно бродящих в поисках выхода. Птицы гомонили над головой прямо-таки бессовестно громко – издевались. Из-под копыт выскакивало и кидалось наутек что-то мелкое. Тагрия не присматривалась – что. Тропа то уходила глубоко в переплетение ветвей, то выскакивала на открытое пространство, и тогда у путников слезились отвыкшие от яркого света глаза.

Бетаран быстро слабел и наконец обвис, чуть не свалившись на землю. Тагрия спешилась и подхватила его.

– Хорошо, Бет, мы поедем вместе, – она старалась говорить весело, только голос обидно дрожал. – Так даже лучше, вторая лошадь отдохнет, да?

Бетаран возражать не стал, его кобыла – тоже. Тагрия с трудом взгромоздилась на коня вместе с братом. Тяжелое безвольное тело навалилось на нее, обжигая даже через одежду. Смотреть вперед и править конем в таком положении очень трудно; попробовав так и эдак, она пристроила голову Бетарана у себя на плече и взяла поводья.

Казалось, зарослям не будет конца. Тагрия уже приготовилась ехать так, не зная куда, пока они оба не умрут, когда тропке вдруг надоело извиваться червяком: она пошла прямее и вскоре слилась с другой, пошире и поутоптанней. Скосив глаза вниз, Тагрия увидела – о чудо! – следы подков.

– Видишь, Бет, видишь, мы скоро приедем к людям! Нам помогут, обязательно помогут, ты только не умирай! Слышишь?!

Бетаран молчал и не открывал глаз. Губы его запеклись, но, по крайней мере, он дышал. Тагрия принялась изо всех сил подгонять коня.

Тропа рассекала лес, как нож режет мясо. Деревья по обе стороны теперь не казались замшелыми великанами, они стали моложе и стройней, между ними чаще появлялись просветы. Небо над головой было ясным, солнечные лучи – нестерпимо-жаркими. Тагрия вымокла от пота. Впрочем, виной тому было не солнце: грех пенять на жару, коли сидишь, обнимая раскаленную печку.

После полудня лес почти сошел на нет, потянулись заросшие редколесьем холмы. Тагрии они напомнили далекий Дилосс. Тропа уверенно бежала через них, уводя к юго-востоку. Все чаще попадались следы копыт и колес. Людей, правда, не было видно.

Сначала Тагрия услышала плеск бегущей воды, потом тропа резво обежала вокруг холма и вывела на пологий речной берег. Оборвалась. Видно было, как на дальнем берегу она вновь начинается от остатков разрушенного моста, взбегает на холм и теряется в густеющем лесу. Левее по обоим берегам из воды торчали камни, обозначавшие брод. А здесь, рядом…

Тагрия поспешно спрыгнула на землю. Стащив с седла Бетарана – он не открывал глаз, – уложила его и помчалась к дому.

– Помогите, кто-нибудь! – закричала она, изо всех сил ударяя кулаками в дверь.

Та распахнулась от удара. Посередине избушки под круглым дымоходом был сооружен очаг, вдоль стен тянулись накрытые шкурами скамьи. На столе грубая глиняная посуда, кучка дров перед очагом, у стены покрытые засохшим илом сети. И – никого.

Тагрия молча прислонилась к стене. Сил не оставалось даже заплакать. Охотничья или рыбацкая избушка могла пустовать большую часть года, лишь изредка давая приют случайным проезжим. Никакой надежды найти здесь людей, конечно, не было. И… что теперь?

Бетаран лежал там же, где Тагрия его оставила, бледный и очень похожий на труп. Дыхание было редким и хриплым, по телу то и дело пробегали судороги. Тагрия набрала воды в принесенную из дома чашку, уронила несколько капель в его приоткрытые губы. Больше ничем помочь она не могла. Она достаточно повидала умирающих, чтобы понять: надежды нет.

Она села возле брата на землю, скрестив ноги, и стала ждать смерти.

Глава 5. Это и вправду ты

Широкая тень появилась словно из ниоткуда, заслонила небо. Лошади с истошным ржанием бросились наутек. Тагрия безучастно подняла голову, и в тот же миг на землю перед избушкой обрушился грифон. Для страха уже не осталось сил, смерть придет чуть быстрее – ну и что?

Но прежде чем разглядела всадника – точнее, всадников, один из которых был, как ни странно, жрецом, – Тагрия узнала его, узнала стремительный размах огромных крыл, сияющее на солнце золото перьев. Грифон передернул плечами, так что всадники буквально скатились на землю, и одним прыжком очутился рядом.

Тагрия кинулась навстречу.

– Ветер!

Золотая волна скрыла ее с головой. Грифон был везде, сверху, снизу, со всех сторон, его перья набились ей в рот, страшный изогнутый клюв ласково и так знакомо перебирал волосы, резкий запах опьянял крепче любого вина.

– Ветер, Ветер, милый, как же я скучала! Ты нашел меня, Ветер, родной!

Как и раньше, Тагрия не могла разобрать слов грифона, как и раньше, в том не было нужды. Мир подпрыгивал, вращался золотым колесом, пока Ветер наконец не поставил ее на ноги, бережно, словно котенка. Тагрия нехотя очнулась.

– Спасибо тебе, Ветер, – прошептала она и отступила назад.

Двое мужчин глядели на нее с одинаковым изумлением. Один, в жреческой сутане, озабоченно присел возле Бетарана. Другой стоял рядом – онемевшая от неожиданности каменная статуя.

Его тело под плащом из тонкой шерсти обтягивала блестящая одежда, какие носят маги, но грудь перечеркивала перевязь, держащая меч с самоцветами в рукояти, и узор на ножнах в точности соответствовал рисунку на императорском гербе. Черные волосы падали на плечи, как принято в Империи; подбородок, прежде чуть затемненный щетиной, скрывала густая черная борода.

И еще, Тагрия заметила это сразу, он не казался меньше ростом, как обычно бывает с людьми, которых не видишь с детства. Перед ним она снова почувствовала себя маленькой девочкой.

Все слова, заготовленные для такого случая, исчезли. Тагрия указала на Бетарана и сказала:

– Спаси его.

Его высочество брат-принц Империи, маг и потомок магов, казалось, с трудом вернул себе дар речи.

– Это ты! – произнес он ошеломленно. – Тагрия! В самом деле ты! Ветер, зверюга! Откуда…

– Мой брат! – перебила принца Тагрия. – Он умирает, понимаешь? Помоги ему!

Карий хотел что-то сказать, но передумал и опустился на колени подле Бетарана. Руки мага легли на лицо умирающего – темные на мертвенно-белом. Тагрия задержала дыхание. Сейчас… Сейчас…

– Слишком поздно, – тихо сказал Карий. – Прости, Тагрия. Сердце не бьется, он мертв.

– Так оживи его! – она даже не заметила, что кричит. – Чего ты ждешь?!

– Не могу.

– Что?!

– Прости.

Вокруг резко потемнело, и земля больно ударила в колени. Ветер заклекотал. Огромная грифонья голова склонилась над Тагрией за миг до того, как ее подхватили руки принца.

– Тагрия!

– Раньше, – прошептала она, – раньше ты все мог!

– Тагрия, раньше моя Сила питалась чужой кровью. Теперь – нет. Сегодня я потратил уже много, чтобы скрыть наше присутствие. Прости, малышка. Я не способен поднять мертвого.

Только и всего? Тагрия вскочила. Карий нерешительно опустил руки.

– Кровь, да? Тебе нужна кровь?

Забытая чашка валялась в двух шагах. Быстро, пока ее не успели остановить, Тагрия выхватила кинжал и что было сил ударила себя по внутренней стороне запястья. Дернула, разрезая жилы. Кровь полилась сразу, осталось лишь упасть на колени и подставить чашку под темную струю. Ветер громко зашипел, но Тагрия даже не оглянулась.

– Будет тебе… кровь…

– Прекрати! – никогда прежде она не слышала от Кария такого крика. – Тагрия, не смей!

В одно мгновение он оказался рядом. Сильная рука сжала ее запястье, и рана послушно затянулась. Тагрия вскрикнула, когда он больно сдавил ее плечи.

– Никогда, ты слышишь, никогда, не смей…

Его гнев мог бы испугать Тагрию. В другой раз. Она вырвалась и подняла чашку – зловещая темная жидкость заполнила ее почти на треть.

– Этого хватит?

– Никогда! Ты что, подумала, я способен взять твою кровь?!

Как там говорила Исара? Тагрия отозвалась почти весело:

– Если не спасешь Бетарана, я перережу себе горло. И не думай, что я побоюсь, твое высочество!

– Ты ничего не боишься! – простонал он.

– Ничего. Спаси моего брата, Карий.

Стало тихо – как будто разом оглох целый свет. В этой тишине брат-принц протянул руку и принял убогую глиняную чашку. Медленно приблизил к ней ладонь.

Тагрия прокусила губу, чтобы не закричать, когда ее обожгло багровым светом Силы. Кровь закипела, и темно-алый пар потянулся в раскрытую ладонь мага. Его лицо исказилось. Глаза вспыхнули недобрым огнем. Где-то за пределами тишины сдавленно закричал жрец – Тагрия напрочь о нем забыла.

Ничего, подумалось ей, пускай терпит. Это его собратья убили Бетарана.

И вдруг все закончилось. Карий пошатнулся, чашка выпала из его рук. Сразу вернулись звуки: шум реки, далекий птичий щебет, тяжелое дыхание принца, частые удары сердца Тагрии.

– Ну же, давай! Оживи его!

Карий вздрогнул, как будто вспомнил наконец, где находится. В четыре быстрых шага вернулся к телу Бетарана, упал на колени. Тагрия бросилась следом, краем глаза увидев, как шарахнулся в сторону жрец.

Сила горела ровным пламенем, когда Карий закрыл глаза и взял в ладони мертвое лицо. Тагрия ждала, считая мгновения. На счете «шесть» Бетаран вздрогнул, изогнулся всем телом; на счете «девять» к нему вернулось дыхание, глаза распахнулись и тут же закрылись вновь. Лицо стало спокойным, а дыхание глубоким, как у спящего.

Руки мага скользнули по его плечам, задержались на повязке. Потом бессильно упали.

– Спасибо тебе, – всхлипнула Тагрия. – Спасибо, спасибо, спасибо…

Слезы бежали по ее лицу, падали на грязный камзол Бетарана. Карий попытался что-то сказать. Не смог, сжался на коленях, закрыв руками лицо. Тревожно заклекотал Ветер.

Раздались шаги, и рядом появилась алая сутана. Голос жреца произнес:

– Принц…

Карий глухо сказал, не отнимая рук:

– Нет, Атуан, не подходи. Подожди немного. Я справлюсь.

– Я могу помочь?

– Нет.

«Отойди, – подумала Тагрия, – убирайся прочь!»

Но жрец опустился рядом, безжалостно смяв подол сутаны. Теперь все трое стояли на коленях над спящим Бетараном. Жрец молитвенно сложил руки. Губы его зашевелились.

– Это жестоко, – прошептал Карий.

Жрец не ответил. Тагрия испуганно молчала.

Наконец Карий отнял руки от лица и улыбнулся ей. Улыбка у него вышла жалкая, но Тагрию будто обдало теплом очага.

– Тебе плохо? – несмело спросила она.

Карий покачал головой.

– Это… потому что ты истратил слишком много Силы? Было мало крови, да?

Он усмехнулся как-то болезненно:

– Мало… Да мне сейчас и ведра будет мало, Тагрия. Ты не представляешь, малышка, что ты наделала.

– Заставила тебя спасти Бетарана.

– И вправду. Ох, Тагрия. Опять появилась ты, и опять все вверх ногами. Ну здравствуй, малышка. Я рад снова тебя видеть.

– Хм… ваше высочество, – заговорил жрец. – Я понимаю, случай особый. Но лучше, если он останется между нами.

– Да. Да, спасибо, Атуан. Прости, что тебе пришлось быть свидетелем моего… падения.

Жрец отмахнулся. В солнечном свете блеснули драгоценные перстни на его пальцах. Тагрия никогда раньше не встречала жреца, носящего столько украшений.

– Поскольку жизнь не погублена, а спасена, не будем считать это падением. Но, – добавил он с тревогой, – как ты сам это перенесешь?

– Справлюсь. Справился уже однажды, – Карий поднялся и протянул руку Тагрии. – Твой брат проспит несколько часов. Заклятие я снял. И все же, откуда ты здесь?

Не зная, что ответить, Тагрия посмотрела вокруг. Ветер лежал, свернувшись по-кошачьи, его черные глаза неотрывно следили за людьми. Лошадей, а с ними и всех вещей нигде не было.

– Наши лошади, – сказала Тагрия. – Они убежали. Испугались Ветра.

– Далеко не уйдут, поймаем. Ты не ответила мне, Тагрия. Откуда ты здесь и кто ранил твоего брата?

Да, от него так просто не отделаешься. Тагрия вздохнула.

– Ну, вообще-то, я искала тебя. А стреляли в нас жрецы.

– Что?! – дружно переспросили мужчины. – Почему?

– Ну, кажется, они приняли нас за разбойников. Мы с ними ехали, а потом побежали…

– Ехали, потом побежали, – повторил Карий. – А вообще-то, ты искала меня. Иди сюда, Тагрия.

Его руки – теперь, когда Бетаран был спасен, Тагрия вся замирала от их спокойной силы – легли на ее плечи. Черные, все еще с кровавым оттенком глаза встретились с ее взглядом, прошли глубже, насквозь, не встретив препятствий. Куда там Исаре! Перед настоящим магом Тагрия оказалась прозрачна как вода.

Но все же она попыталась, выставила свою стену. Нельзя, ох, нельзя ему видеть то, что там внутри!

За мгновение борьбы она устала, отчаянно, смертельно, как никогда, и уже сдалась, когда Карий отступил.

– Как? – только и спросил он.

– Не надо, пожалуйста! Не делай этого, мне с тобой не справиться, пожалуйста, не надо…

– Тише, тише, Тагрия. Успокойся. Обещаю, я не стану этого делать против твоей воли. Но скажи мне, Тагрия, как?

Тагрия выдохнула. Ее трясло, то ли от усталости, то ли от испуга. Карий нахмурился, и она поспешила сказать:

– Ты сам меня научил. Объяснил. Я очень хотела научиться, и вот… Это совсем нетрудно!

– Нетрудно? Тагрия!

– Ну что? Это же только Познание!

Он все еще хмурился, но в глазах его Тагрия увидела отблеск смеха – Того Самого смеха. И расцвела, потянулась навстречу. Пропади все пропадом, это Он, это в самом деле Он!

– Познание, говоришь. Это и вправду ты, малышка. Спасаешь заблудших магов, рушишь вековые устои…

– А я так делаю?

– Да.

Карий вновь ее оглядел, не проникая в разум, но все же слишком пристально. Тагрия сразу поняла, какая она – грязная, растрепанная, перепачканная кровью. Карий нахмурился еще сильнее. И спросил неожиданно:

– Ты знаешь, что беременна?

– Что?! – теперь уже Тагрия возмущенно отступила, замотала головой. – Нет!

– Но это так.

Нет! Будь ты проклят, Морий! Тагрия отчаянно попыталась считать, сбилась, начала снова и поняла. Все верно. Еще через неделю она догадалась бы и сама. А еще хвалилась – Познание!

Жрец Атуан, до сих пор сидевший, скрестив ноги, возле Бетарана, поднялся и ушел в избушку. Наконец-то додумался! Ветер опустил голову, закрыл глаза. Карий уселся на землю и жестом велел Тагрии сесть рядом.

– Тагрия. Ты бродишь по дорогам с мальчишкой под заклятием, в тебя стреляют жрецы, ты беременна и больше суток ничего не ела. Что происходит? Если не даешь мне посмотреть – расскажи. Кто отец ребенка?

«А может, это не твое дело, может, я не твоя собственность, может, я взрослая?»

Тагрия повесила голову.

– Морий, барон Дилосский, – сказала она тихо.

И вздрогнула от закипевшего в нем гнева.

– Нет, нет! Он… мой муж.

«И что, что же мне теперь делать?!»

– Тагрия, – позвал принц. Она сглотнула слезы и подняла голову. Карий смотрел с тревогой, но не сердито: – Если барон Дилосский твой муж, почему ты здесь одна и в таком виде?

– Там заклятие. Они все попались, кроме меня. Я хотела увезти Бетарана, сначала не думала, просто увезти, потом поняла, что только ты можешь помочь, и еще Исара сказала… Понимаешь, она тоже…

– Тише, остановись. Тагрия, – Карий бережно взял ее за руку. – Я тороплюсь, но не настолько, чтобы не выслушать. Спокойно, по порядку. Итак?

Он и вправду выслушал, не перебивая, только брови нет-нет да сходились в одну черную линию. Под его взглядом Тагрия почти успокоилась. Когда речь зашла о полукровках,

об их самодельной магии, Карий нахмурился; услышав об Исариных планах, глубоко втянул воздух, но смолчал. Тагрия быстро закончила рассказ.

– И очутилась здесь в то же самое время, что и мы, – с непонятной улыбкой сказал брат-принц. – Кажется, ты всегда добиваешься своего, Тагрия?

Она с удовольствием кивнула.

– А ты, значит, меня не узнал?

– Тебя узнал Ветер. И молча кинулся вниз. Чуть нас не сбросил, зверюга!

Грифон ничем не показал, что слышит. Он словно бы спал, но с очень уж довольным видом – Тагрия даже хихикнула. Карий тепло улыбнулся, а потом спросил:

– Они все у тебя отняли?

Ой… Кто «они» и что «все», она поняла сразу. Потупилась виновато.

– Тагрия?

– Я… его выбросила. Там, в замке, когда появился туман.

И замерла, не смея поднять глаз.

Карий помолчал и спросил негромко:

– Ты сердилась, потому что попала в беду, а меня не было? Или потому что меня не было все эти годы?

– Да. И да.

Она ждала гнева, резких слов. Но услышала:

– Ты права. Мне нечего сказать в свое оправдание, Тагрия. Прости меня.

– Разве ты должен? – прошептала она.

– Да, малышка. Должен. Я всем тебе обязан. Все эти годы я спасал Империю от Нашествия и думал, что тем забочусь о тебе. Мерзкий самоуверенный принц. А ты, настоящая ты, нуждалась в помощи. Чуть не погибла… опять чуть не погибла. Прости меня, Тагрия.

От его слов Тагрия плавилась, как кусок масла на солнце. Глаза опять намокли. Она стряхнула слезы и прошептала:

– А теперь что будет?

Карий нахмурился:

– Я не могу вернуть тебя домой, если там заклятие. И в любом случае я не повторю своей ошибки. Пока все не закончится, ты будешь в столице, под охраной императорских войск. С твоей способностью вечно попадать в беду это самое лучшее. И, разумеется, я постараюсь найти время вызволить твоего супруга…

– Нет!

– Тагрия?

Не так, опять все не так! Она проговорила с отчаянием:

– Я не вернусь к Морию!

– Что? Он дурно обращался с тобой?

Гнев мага похож на черную тень, на клубы дыма. Горе, если ему попадешься! Но Тагрию он не тронет, никогда.

– А если да, ты его убьешь?

– Разумеется.

– Нет, не надо, – почти с сожалением сказала Тагрия. – Дело не в нем. Дело во мне. Я ушла и не вернусь, а если меня попробуют заставить, я…

– Тише. Пока я жив, никто не посмеет тебя заставлять. Все это слишком сложно, Тагрия, чтобы решать на ходу, а меня ждут. Атуан уже готов лопнуть. Он не привык, знаешь ли, чтобы я тратил время на дам.

Это шутка – поняла Тагрия, встретив его взгляд с отголоском смеха. И с облегчением улыбнулась в ответ.

– А ты теперь дама, – задумчиво добавил принц. – Позже обязательно расскажешь, как это у тебя получилось. Подумать только, госпожа Тагрия, баронесса Дилосская!

– Говорю же – нет! Я не хочу!

– В столице, малышка, тебе потребуется статус. Пока не найдем иного решения, останешься баронессой Дилосской. Поверь мне, так лучше. Идем.

Жрец Атуан деликатно ждал за стенами рыбацкой избушки, но был и вправду готов лопнуть. Увидев Кария об руку с Тагрией, вскочил как подброшенный.

– Нас ждут, принц.

– Знаю, Атуан. Беда в том, что нас четверо, а грифон один. Боюсь, для Ветра это чересчур, в особенности если встретим магов. Я прошу тебя остаться пока и присмотреть за братом баронессы. Я доставлю ее милость в столицу и сразу…

– Нет! – дружно перебили Тагрия и жрец.

Переглянулись. Жрец поклонился, уступая ей слово.

– Я не оставлю Бетарана, – сказала она. – Он проснется неизвестно где, а рядом будет жрец? Нет уж!

– Совершенно верно, – подтвердил жрец. – К тому же его величество и его святость ждут моего отчета, принц, так же как и вашего. Вы знаете, что кое-кому лучше услышать все от меня. И обстоятельства…

– Я помню о них, – тихо сказал Карий. – И ты пойми, я не вправе снова ее бросить. В особенности из-за обстоятельств.

– У нас есть лошади, и Бетаран снова здоров, ведь правда? За нас можешь не бояться. Мы поедем потихоньку…

Мужчины дружно нахмурились.

– Нет, ни в коем случае, – сказал принц. – Тагрия, маги всего в каких-нибудь шести милях отсюда, в лесу. Их очень много. Если попадетесь им на глаза… Ты понимаешь, что тогда будет.

Тагрия кивнула. Слишком часто в последнее время она вспоминала, чтобы не понять.

– Здесь, близко?

– Да, – сказал Карий. – Они что-то готовят, очень серьезное. Вся местность от Ферра до Салианы накрыта заклятием. Нашествие готово перерасти в открытую войну, чего не случалось ни разу с тех пор, как мы захватили Долину.

– Но… все говорят, что Нашествию конец, что их почти всех перебили!

– Кто так говорит, Тагрия?

– Ох, – она махнула рукой, – да. Все эти болтуны в замке. Теперь они разучились говорить, зато отлично умеют пускать слюни.

Карий понимающе кивнул:

– Верно. Магов не истребили, хотя их потери велики. Правда, не так велики, как наши, но и нас намного больше. Все эти годы мы балансируем, ни одна сторона не может одержать окончательной победы. Теперь они, видимо, нашли способ изменить положение дел в свою пользу. Об этом мы должны сообщить императору, и как можно скорей.

Он говорил с нею как с равной, делился тревогой, и Тагрия таяла от радости пополам со страхом – ибо знала уже, что ответит принцу.

– И сообщишь. Обо мне не тревожься, правда. Все будет хорошо.

– С тобой не бывает все хорошо, – вздохнул Карий. – Ладно, ждите меня здесь. Я вернусь, как только смогу. Скоро. Лошадей мы поймаем, но, Тагрия, не вздумай пускаться в путь – разве что не останется иного выхода. Дождись меня, хорошо?

– Да.

– Обещай.

– Да обещаю, обещаю! Только поймай моих лошадей!

Ее прервало фырканье. Тагрия вздрогнула: она снова успела забыть про жреца. Обернулась. Жрец Атуан покраснел, надулся, пытаясь удержаться, не смог и брызнул сдавленным смехом. С быстрым «простите меня, принц, госпожа», он выскочил за дверь.

– Лопнул, – сказала Тагрия. – С чего это он?

Карий весело улыбался.

– Не выдержал. Очень уж уверенно ты отдаешь приказы, малышка. Со мной так не говорит даже император.

– Ой… Прости!

– Не за что. Атуан просто не знает, что у тебя есть на это право.

И, пока Тагрия соображала, когда это она обзавелась правом приказывать его высочеству и как бы ей получше этим воспользоваться, Карий вышел вслед за жрецом.

Мужчины вдвоем перенесли Бетарана – он не проснулся и даже начал храпеть, – уложили на скамью. С помощью грифона отловили лошадей, Тагрия надежно привязала их поодаль. Потом Карий сказал: «Подождите», – и, ничего не объясняя, отправился куда-то вдоль берега. Жрец Атуан беспокойно глядел вслед. Конечно же, он считал, что принц недостаточно спешит возвращаться к своим важным делам.

Тагрия отвернулась от жреца и устроилась ждать в самом удобном месте на свете: между широких, вооруженных страшными когтями грифоньих лап. От Ветра веяло теплом и покоем, как от затопленной в морозный день печки. Проснуться от кошмарного сна и обнаружить, что за окном сияет солнце, вернуться из долгих безнадежных странствий и вновь увидеть родное лицо – вот на что похожа грифонья дружба.

– Вы отчаянно смелы, госпожа.

Это жрец подошел и остановился на почтительном расстоянии.

Тагрии вовсе не хотелось открывать глаза и говорить с ним. Так уютно было сидеть, прижавшись к золотой шерсти на груди зверя, чувствовать его дыхание! Все страхи отступили, словно их и не было. Чего бояться, если рядом Ветер и Карий? С ними весь мир как будто создан для Тагрии. Правда, только пока они рядом, но зачем беспокоится о том, что еще не наступило?

– Смела? Почему? – нехотя спросила она.

– Даже я побаиваюсь приближаться к грифону в отсутствие хозяина, госпожа. И позвольте вас уверить, другие дамы падают в обморок от одного его вида.

– Не хозяина, а друга. Ветер вам не лошадь! А в обморок я падаю от вида жрецов.

Грифон засмеялся. Он не издал ни звука, не взглянул на жреца, просто смеялся – молча, и его смех звенел в Тагрии счастливой музыкой.

Жрец не обиделся.

– Неудивительно, после такого недоразумения. Позвольте мне, госпожа, принести извинения вам и вашему брату, от лица Храма и от меня лично.

Теперь уж Тагрии пришлось внимательно на него посмотреть. Что говорят в таких случаях дамы? Но жрец, казалось, и не ждал ответа. Он поклонился:

– Его высочество позабыл нас представить. Атуан, жрец четвертой ступени.

– Четвертой – это высоко?

– Смотря с чем сравнивать, госпожа. Высшая ступень – шестая. На седьмой только Верховный жрец.

– Понятно. Я Тагрия, – жрец ждал, приподняв брови, и ей пришлось закончить: – Баронесса Дилосская. Точнее, была ею. Сейчас я просто Тагрия.

– Мне случалось некогда встречать Мория Дилосского…

– Это мой муж.

– О… примите мое почтение, баронесса. Ваш муж погиб?

– Нет. В Дилоссе тоже заклятие.

– Верно. Но в таком случае, госпожа, вы по-прежнему баронесса Дилосская. И останетесь ею даже в случае его смерти, пока не вступите в новый брак.

«Чтоб ты провалился! Тебе-то какое дело?»

К счастью, жрецы не умеют слышать мысли, а отвечать Тагрии не пришлось – ушедший ниже по реке Карий применил Силу. Совсем немного, но Тагрия почувствовала, почувствовал жрец и, конечно же, грифон. Все трое посмотрели в ту сторону. Жрец осуждающе поджал губы.

– Не любите магию? – поддела его Тагрия.

– Не люблю оставлять следов, когда поблизости враг.

– Ох, и правда! Но тогда мы здесь уже наследили, хуже некуда!

– Это и беспокоит меня, баронесса.

Карий вернулся от реки с парой упитанных серых уток. Обезглавленные тельца болтались в его руках, будто какие-нибудь казненные преступники, оставляя на траве две кровавые дорожки. Сам принц выглядел так, словно только что решил задачу государственной важности, но тут же оказался перед новой.

– На песке следы когтей, – сказал он. – Здесь были грифоны.

– Давно? – спросил жрец.

Карий с сожалением покачал головой.

– Если бы я огляделся прежде, чем пользоваться магией, знал бы. Теперь все перекрыл след моей Силы. Думаю, Тагрия, ты можешь их зажарить, только старайся поменьше дымить. Вам с братом необходимо поесть.

Тагрия без особой радости приняла добычу.

– Нам пора, – сказал Карий. – Тагрия… Мы с Ветром скоро вернемся. Только, прошу тебя, будь осторожна!

– Буду.

Она смотрела в небо, пока грифон не стал чуть заметной черточкой в тонких перистых облаках. Потом в глазах все расплылось, задрожало: «Он опять меня бросил!» Тяжелые утки, которых, между прочим, еще придется ощипывать, оттягивали руки. Где-то поблизости строили свои жуткие планы маги, а рядом в избушке спал здоровым сном спасенный Бетаран.

Тагрия бросила на землю уток, вытерла слезы грязным рукавом и отправилась к брату. Спать.

Глава 6. Неудачное рабство

– И долго ты собираешься здесь торчать?

Тагрия ответила спокойно и даже не взглянула в сторону двери:

– Пока не вернется Карий.

– А если он не вернется?

– Вернется.

Бетаран уселся на скамью и принялся чистить ногти. В полумраке заниматься этим было неудобно, он то и дело досадливо фыркал. Его одежда, кое-как выстиранная в реке, выглядела теперь лучше, хоть и оставалась дырявой – тут уж Тагрия ничем помочь не могла. Алый камзол, похожий на отделанную истрепанным кружевом насмешку, досыхал у непогасшего еще очага; штаны и тунику Бетаран натянул мокрыми. Бурому от засохшей крови платью Тагрии стирка почти вернула прежний темно-зеленый цвет, зато вышитые рукава нижней рубашки не отстирались вовсе.

Весь вечер и добрую часть ночи отняли разговоры; утро Тагрия посвятила стирке, Бетаран же занялся лошадьми. Их плачевный вид привел его в такое отчаяние, как будто у Тагрии всю дорогу только и было дел, что заботиться о несчастных животных.

Когда одежда была в меру сил выстирана, а лошади – вычищены и обихожены, дружно расправились со второй уткой. Первую Тагрия приготовила еще вечером. Трут и кремень отыскались возле очага, там же, где и стопка дров, вполне достаточная для приготовления пищи.

После обеда больше не осталось дел, что занимали бы время. Тогда-то оно и потянулось медленней ползущей по бревну улитки. Бетаран то бродил по берегу реки, разглядывая отпечатанные в песке следы огромных когтей, то возвращался донимать сестру вопросами, то вдруг спешил проведать ненаглядных лошадей. Тагрия изо всех сил старалась не смотреть в небо, не искать в ясной голубизне далекую черточку грифоньих крыльев. Казнилась, что не спросила Кария, сколько времени займет путь и когда его ждать обратно. Мечтала о будущей жизни в столице, но мечты эти, раз от разу все менее пристойные, назойливо, как мухи, вились вокруг одного-единственного человека, и тогда Тагрия запрещала себе мечтать.

К вечеру поднялся ветер. Он принес густые серые тучи, а с ними грозу и дождь. Пришлось укрыться под крышей, и у Тагрии появилась новая забота: не смотреть на дверь и не ждать, что скоро, вот прямо сейчас в нее шагнет, стряхивая капли дождя, высокий и сильный человек с тревогой в черных глазах. Тревогой за нее, за Тагрию, которую – да! – оказывается, и не думал забывать.

Но дверь оставалась закрытой, а лицо Бетарана делалось все кислее.

– Мне надоело.

– Потерпишь.

– Зачем? Как два дурака здесь сидим. Может, он вовсе и не придет, твой колдун?

– Не колдун, а маг. И вовсе не мой, а… Имперский.

– Одно и то же, – Бетаран вычистил последний ноготь, хотел вернуть Тагрии кинжал, но передумал и прицепил его себе на пояс. – Не могла захватить мои клинки? Если он забудет или помрет, будешь сидеть здесь, пока не сдохнешь?

– Буду.

– Дался он тебе!

– Он тебя спас, если ты забыл.

– Да помню я, помню! И благодарен – тебе, Таг. Скажешь, он стал бы меня спасать, если б не ты?

– Нет, наверно, – пришлось признаться ей.

– Ну вот! Сколько таких, как я, он же их не спасает. И Мория…

Бетаран замолчал и нахмурился. Тагрия замотала головой:

– Он не может, Бет, я же объясняла! Для этого никакой Силы не хватит! А он…

– Надо ехать домой.

Тагрия замолчала. Опять он за свое!

– Я туда не поеду. Я уже сказала.

– А Морий? И остальные все? Они же могут умереть, Таг, ты же знаешь, как много от колдовства умирают! Кто их разберет, этих жрецов, чем они там заняты! А мы с тобой…

– Я не вернусь к Морию, Бет. Никогда.

Прямо над дымоходом сверкнула молния, и Тагрия увидела лицо брата – ошеломленное, как будто он лишь сейчас заметил, что у нее выросли рога.

– Ты врешь, – сказал он.

– Не вру.

– Свихнулась? Он твой муж! Ты не можешь просто так уйти от мужа! Ну, не упрямься, Таг, поедем домой. Я думал, ты ждешь этого колдуна, чтобы уговорить его помочь Морию!

Тагрия втянула ноги на скамью, села, обхватив колени. Дождь все не кончался. Небо над дымовым отверстием совсем потемнело, только яркие вспышки молний то и дело озаряли полумрак избушки. Бетаран не дождался ответа и позвал:

– Таг! Ты же это не по правде, да? Ну что ты молчишь?

– А что говорить? Я не вернусь, и все.

– Это из-за него, да? Из-за этого колдуна?!

– Нет!

– Врешь! С чего бы ты еще стала… – быстро, так что Тагрия не успела и моргнуть, брат оказался рядом, навис над ней, сжимая кулаки: – Говори! Из-за него?

– Нет же, Бетаран, нет! Ну, пойми же меня! Пожалуйста!

Молния сверкнула над крышей, и в тот же миг оглушительно ударил гром. Испуганно заржали лошади. Ни Тагрия, ни Бетаран не обратили внимания. Бетаран постоял еще, тяжело дыша, потом сник и уселся рядом.

– Ты всегда была дикая, – сказал он. – Ладно, хватит дурить. Дождь кончится, и поедем.

– Попробуй, утащи меня силой.

И тогда Бетаран разозлился по-настоящему.

– Дура! – закричал он, взвиваясь, как взбесившийся жеребец. – Ты, неблагодарная… Ты, грязная крестьянка! Да как он еще терпел тебя столько лет! Баронесса Тагрия! Ваша милость! Такая заносчивая, не подступись! Лежит бревно-бревном и смотрит, будто ее пытают!

– Это Морий тебе сказал?

Собственный голос показался странным, словно звучал откуда-то издалека. Бетаран перевел дыхание.

– Думаешь, почему он всех этих девок… Он, если хочешь знать, первой жене ни разу не изменял!

– Вот уж не знала, что Морий так с тобой откровенничает. Ты мог бы помочь ему, Бетаран. Многим дворянам нравятся мальчики, я думаю, Морий бы оценил твою заботу. Ты юный, красивый, и так его любишь, ты не стал бы лежать как бревно…

Она могла бы говорить еще долго. Как будто сорвалась с обрыва и падала, падала, и не было дна пропасти, не было конца падению и свисту ветра в ушах, мельканию теней перед глазами… но хлопнула дверь, и последние слова Тагрия договорила в одиночестве.

Быть может, она все-таки последовала бы за братом. Или, загородившись обидой, отпустила одного рисковать жизнью ради возвращения домой. Трудный выбор, так и оставшийся несделанным: Бетаран вернулся очень скоро.

Он проскользнул внутрь осторожно, как нашкодивший кот. Придержал дверь, чтобы не хлопнула, и прошептал:

– Грифоны!

В один короткий миг Тагрия почти рванулась к двери. Но тут же поняла, что именно сказал Бетаран.

– Много?!

– Не знаю, я двух видел, – при вспышке молнии его лицо оказалась совершенно белым. – Лошадей… Толстяк убежал, а Ягодку они…

– Ну, от них все равно на лошадях не уйдешь. Ты магов видел?

Бетаран кивнул:

– Спорят о чем-то по-своему. Они меня не заметили, Таг, давай за мной, тихо!

«Вот видишь? Я все-таки им досталась. А тебя нет».

Тагрия опустилась на скамью – ждать. Ни убежать, ни спрятаться надежды не было вовсе. Но Бетаран этого еще не понял.

– Ты что?!

– Не глупи, Бет. Ты от меня-то никогда не мог спрятаться. Они знают, что мы здесь. Они даже знают, о чем ты думаешь. И слышат все.

– Почему тогда…

– У них просто есть дела поважней, вот и все. Решат их и займутся нами.

Пальцы растерянно зашарили по груди, ища перстень. А ведь казалось – избавилась от этой привычки давным-давно. Бетаран громко дышал у двери.

– Ты точно это знаешь?

– Точно, Бет. Ты не верил в мое колдовство, но я тебя всегда находила, помнишь? А я ведь… совсем ничего не умею. Ничего!

– Таг! – брат сел рядом, нерешительно обнял ее за плечи. Тагрия уткнулась ему в грудь. – Ну, не плачь, а? Тагрия! Помнишь, ну, в историях, они убивали друг друга, чтобы не достаться колдунам. Помнишь?

– Ты сможешь меня убить? – улыбнулась она сквозь слезы.

– Нет. А ты меня?

– Ни за что на свете.

– Ну, тогда… они еще просили прощения за все. Перед смертью.

– Точно.

– Прости меня, Таг. За то, что наговорил и за все, что раньше было, ладно?

– Ладно. И ты меня прости. Если бы я не тебя не потащила…

– Нет-нет, ты же меня спасала! Никто бы столько не сделал, как ты!

– И что вышло?

– Ну… ты же не виновата.

Помолчали. Время шло, никто не приходил за их кровью, и наконец Бетаран прошептал:

– Может, помолимся, Таг?

Молитва жреца причинила боль Карию – подействует ли на других магов? Говорят, у колдунов нет души. Тагрия никогда этому не верила, но что в их душах нет места Богу, это ясно. И все же она сказала:

– Давай.

Закрыла глаза, чтобы вспомнить нужные слова – нечасто ей случалось их произносить.

– Истинный Бог света и правды…

Зов пришел сразу, и ни о какой молитве Тагрия больше не думала. Вцепилась в скамью.

– Бет, не слушай!

Он и не слышал – так, как слышала Тагрия. Он просто выпустил ее плечи и пошел к выходу.

– Стой, дурак!

Она догнала брата уже у двери. Остановить его было не легче, чем задержать почуявшего охоту матерого быка. Тагрию протащило в раскрывшуюся дверь и выбросило навстречу магам.

Их было двое – две черные фигуры на фоне реки. Их Сила светилась для Тагрии багровым цветом человеческой крови. Вспышка молнии зловеще выхватила из темноты их лица каменных статуй, отразилась от одежды – не мокрой, а словно обтекаемой дождем.

У Тагрии заледенели кончики пальцев, потом холод поднялся выше, замер на уровне груди. Сердце вязло в нем и билось все медленнее. Вдохнуть не получалось. Бетаран неподвижно стоял рядом.

Маг сказал что-то, задал какой-то вопрос. В голосе слышались удивление и гнев. Черный взгляд проник в Тагрию, отшвырнув ее слабый протест, как отшвыривают ногой щенка. Овладел ею. Познал ее.

Это было хуже, чем жадные трепыхания Мория на ее теле, хуже его ищущих рук и мокрых губ. Морий брал только тело; маг взял разум и душу. Увидел все, вплоть до самых тайных мыслей и желаний, брезгливо просеял сквозь пальцы воспоминания и вышел так же грубо, как вошел.

Теперь маги заговорили оба, возбужденно и даже радостно. Из множества незнакомых слов Тагрия узнала одно: Карий.

Холод из ее груди впитался в сердце, и оно перестало мерзнуть – совсем.

Тагрии доверили шить палатки. Мужчины с топорами превращали тонкие деревца в шесты, а девушки тем временем раскладывали на земле ткань, разрезали ее по образцу и подшивали края, чтобы не осыпались. Потом эту ткань растянут на вбитых в землю шестах и закрепят колышками, пол выстелют мягкими коврами и получится жилище, хотя бы отчасти достойное хозяев. Наставница говорила, что хозяева называют его «временным жильем» и «дикарским жильем». Тогда всем, кто уже мог стыдиться, делалось стыдно, и они принимались за работу с новым старанием.

Тагрия привыкла быстро. Другие, кого привезли раньше, только-только вспомнили, как их зовут, а Тагрия уже понимала все слова наставницы и трудилась не хуже давних рабов. Это было хорошо: хозяевам приятно видеть расторопных слуг, а слуги счастливы, когда радуются хозяева. Хорошо было дружно работать, слушать наставницу, видеть прекрасные и печальные лица хозяев, когда те приходили справиться, как идет работа или выбрать рабыню для другой, почетной службы. Но лучше всего было наблюдать за грифонами. Если бы Тагрия не любила хозяев так сильно, не желала всей душой им угодить, она бы забросила работу и без конца любовалась на этих удивительных зверей.

Они прилетали и улетали один за другим: огромные, намного больше самой крупной лошади, но изящные, как кошки. Широкие крылья закрывали полнеба, то золотые, то гагатовые, поднимали ветер, от которого сбивались полотнища и путались волосы Тагрии. За шатрами была расчищена специальная площадка. Туда грифоны спускались – изогнутые когти взрывали землю, там оставляли привезенный груз: свернутую в рулоны ткань, инструменты, овец, которые вскорости становились обедом и хозяевам, и рабам.

Время от времени грифоны привозили новых рабов, часто – детей, которых сразу же уводили куда-то за большие шатры. Для почетной службы, сказала наставница. Все рабыни мечтали быть выбранными для почетной службы. Но хозяева были строги: выбирали только очень молодых или очень красивых. А Тагрия некрасивая, ее не выберут, разве только удастся отличиться. Так сказала наставница.

Ей, мудрой и справедливой, Тагрия верила, но всякий раз, когда юные девушки уходили с хозяевами, где-то внутри просыпалось непонятное волнение. Хотелось догнать их, остановить… Зачем? Тагрия не знала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.